



# Исследования и публикации



*Research and publications*  
*Cercetări și publicații*



Д. Л. Гаскевич

## Северо-понтійське імпресо: походження неолітичної кераміки с гребенчатим орнаментом на юге Восточної Європи

*D. L. Gaskevych.*

### **North-Pontic Impresso: Origin of the Neolithic Pottery with Comb Decoration in the South of Eastern Europe.**

Archaeologists so far have connected appearance of ware with pointed and rounded bottoms and comb decoration on the northern part of the Black Sea area with spread of inhabitants of northern and northeast regions to the south. Large series of absolute dates of Neolithic sites of Eastern Europe have been received in the Kiev radiocarbon laboratory recently. They have shown that such pottery appeared in the northern part of the Black Sea area earlier than on the Upper Dnieper region, the Volga river region, the Kama river basin and the Trans-Ural area. These data suggest incorrectness of existing hypotheses. Alternatively to these, the author proposes to regard North-Pontic Neolithic with comb decorated pottery as a part of the area of Mediterranean Neolithic cultures with Impresso ware.

The possible Mediterranean prototype of the North-Pontic pottery with comb decoration could be ware of the North Africa Neolithic known as the «Saharan Sudanese Complex» or the «Khartoum Mesolithic». Formed in 9—8 thousand cal BC, in the middle 7 thousand cal BC it could diffuse to the Near East, and further — to the Northern Black Sea coast. Radiocarbon dates show high speed of this process. It corresponds to concept of «leapfrog colonization» founded on a coasting (model of «maritime pioneers» by J. Zilhão). Occurrence of the Neolithic pottery in the region only after formation of the Bosphorus Strait which has united the Black Sea with the Mediterranean supports possible maritime colonization of the Northern coast of the Black Sea too.

Sites left by the Mediterranean migrants with full «Neolithic package» have not been found in the northern part of the Black Sea area so far. It can result from their position on nowadays flooded fertile lowlands along the coast of the sea, the level of which rose more than 10 m over the last 8.5 thousand years.

On the other hand, one fragment of the vessel with Cardium decoration was found on the Savran' site of the Bug-Dniester culture. It suggests settlement here of some Mediterranean makers of Cardium ware in the northern part of the Black Sea area, or of their contacts with local population. Availability of ware with comb and linear decoration, all attributes of which are met in ceramics of Impresso-ware zone, and also specific «Neolithic» flint implements, bones of domestic animals, polished stone artifacts, found on Neolithic settlements of the North-Pontic area, also can be evidence of contacts of the local population with Mediterranean migrants who lived on the Black Sea coast.

*D. L. Gaskevych.*

### **Impresso de tip Nord Pontic: originea ceramicii neolitice cu ornament cu pieptene din sudul Europei de Est.**

Apariția ceramicii cu fund ascuțit și rotunjit, cu ornamente făcute cu dintele și cu pieptenele în spațiul nord-pontic, pînă în prezent, se lega de către arheologi de răspîndirea spre sud a locuitorilor din regiunile nordice și nord-estice. Serii semnificative de date absolute ale monumentelor neolitice din Europa de Est, obținute recent în laboratoarele de radiocarbon din Kiev, au arătat că astfel de vase au apărut pe coasta nordică a Mării Negre mai devreme decît în regiunea Niprului de Sus, râului Volga, bazinului râului Kama și Transuralia. Aceste date sunt o dovadă convingătoare a netemeinicii ipotezelor existente. Drept alternativă autorul propune să studieze neoliticul de pe Marea Neagră, cu ceramica ornamentată cu pieptene, ca o parte a culturilor neolitice mediteranene cu ceramică de tip Impresso.

Drept prototip posibil mediteranean al ceramicii din spațiul nord-pontic cu un ornament de tip pieptene, ar putea fi considerate vase neolitice din Africa de Nord, cunoscute sub denumirea de «complexul Sahara-Sudan» sau «Mezoliticele Khartoum». Apărute în mileniile IX—VIII cal BC, către mijlocul mileniului al VII-lea cal BC acestea ar putea ajunge la Orientul Mijlociu și mai departe — la coasta de nord a Mării Negre. O viteză mare de răspîndire a acestora, confirmată de datele radiocarbon, corespunde modelului de «colonizare în salturi» bazată pe navigație maritimă pe distanțe scurte

(conceptul de "pionieri maritimi" al lui J. Zilhão). Posibila colonizare maritimă a spațiului nord-pontic poate fi atestată prin apariția în regiunea această a ceramicii neolitice abia după formarea strâmtoarei Bosfor, când Marea Neagră deja a devenit parte a zonei Mării Mediterane.

Așezările migranților mediteraneeni cu un întreg "pachet neolitic" încă nu au fost descoperite în nordul Mării Negre. Acest lucru poate fi explicat prin localizarea unor așezări pe șesuri fertile de pe coastă, acum inundate de apele mării, al căror nivel s-a ridicat cu mai mult de 10 m în ultimii 8.5 mii de ani.

Pe de altă parte, un fragment al vasului, cu ornament de tip cardium, a fost descoperit în așezarea din cadrul culturii Savran din regiunea Bug-Nistru. Această constatare indică localizarea în nordul Mării Negre a purtătorilor de tradiție a ceramicii cu ornament de tip cardium sau contactele acestora cu locuitorii din regiunea dată. Vasele cu ornamente cu pieptene și linii, toate semnele ale cărora se găsesc pe vasele neolitice cu ceramica de tip Impresso, precum și inventarul specific "neolitic" din silex, oase de animale domestice, articole din piatră șlefuită, găsite pe așezări neolitice de pe coasta nordică a Mării Negre, de asemenea, pot indica contactele între locuitorii acestora și migranții mediteraneeni de pe coasta Mării Negre.

*Д. Л. Гаскевич.*

#### **Северо-понтійське імпресо: походження неолітичної кераміки з гребенчатим орнаментом на юге Восточної Європи.**

Появлення остродонної і округлодонної кераміки з зубчато-гребенчатим орнаментом в Северному Причорномор'ї до настоящего времени связывалось археологами с распространением на юг обитателей северных и северо-восточных регионов. Значительные серии абсолютных дат неолитических памятников Восточной Европы, полученные в последнее время в Киевской радиоуглеродной лаборатории, показали, что такая посуда появилась в Северном Причерноморье раньше, чем в Верхнем Поднепровье, Поволжье, бассейне Камы и Зауралье. Эти данные убеждают в необоснованности существовавших гипотез. Как альтернативу им автор предлагает рассматривать причерноморский неолит с гребенчатой орнаментацией керамики как часть области средиземноморских неолитических культур с керамикой импресо.

Возможным средиземноморским прототипом северо-причерноморской керамики с гребенчатим орнаментом могла быть посуда неолита Северной Африки, известного как «сахаро-суданский комплекс» или «хартумский мезолит». Сформированная в 9—8 тыс. cal BC, к середине 7 тыс. cal BC она могла попасть на Ближний Восток, и далее — на северное побережье Черного моря. Высокая скорость её распространения, засвидетельствованная радиоуглеродными датами, отвечает модели «скачкообразной колонизации», основанной на каботажном плавании (концепция «морских пионеров» Ж. Зильяна). О возможности морской колонизации Северного Причерноморья свидетельствует появление тут неолитической керамики лишь после образования Босфорского пролива, когда Черное море уже стало частью Большого Средиземноморья.

Поселения средиземноморских мигрантов с полным «неолитическим пакетом» в Северном Причерноморье пока не найдены. Это может объясняться их расположением на плодородных прибрежных низменностях, в настоящее время затопленных морем, уровень которого в течение последних 8,5 тысяч лет повысился более чем на 10 м.

С другой стороны, один фрагмент сосуда с кардиумным орнаментом был обнаружен на поселении бугонестровской культуры Саврань. Эта находка свидетельствует о проживании в Северном Причерноморье носителей традиции кардиумной орнаментации керамики или об их контактах с жителями этого региона. Посуда с гребенчатым и линейным орнаментом, все признаки которой встречаются на посуде неолита с керамикой импресо, а также специфичный «неолитический» кремневый инвентарь, кости домашних животных, полированные каменные изделия, найденные на неолитических поселениях Северного Причерноморья, также могут свидетельствовать о контактах их обитателей со средиземноморскими мигрантами, жившими на побережье Черного моря.

**Keywords:** Neolithic, North-Pontic area, Mediterranean area, comb decoration, Impresso ware, Cardium ware, maritime colonization.

**Cuvinte cheie:** neolitic, zona nord-pontică, zona mediteraneană, ornament cu pieptene, ceramica de tip Impresso, ceramica de tip Cardium, colonizarea maritimă.

**Ключевые слова:** неолит, Северное Причерноморье, Средиземноморье, гребенчатый орнамент, керамика импресо, керамика кардиум, морская колонизация.

## Вступление

В течение двух последних десятилетий в изучении неолита Северного Причерноморья, которое занимает степные и лесостепные территории между Дунаем на западе и Доном на востоке, наиболее дискутируемыми являются две проблемы. Первая проблема — это процесс «неолитизации» данного региона, то есть появление тут основных составляющих так называемого «неолитического пакета» (Neolithic package). Обычно под ним подразумевают поселения с долговременными сооружениями, земледелие и животноводство, шлифованные каменные изделия, керамическую посуду, прогрессивную кремнеобработку, основанную на получении отжимных пластин, из которых изготавливается значительная часть орудий, в т. ч. многочисленные геометрические микролиты. Поскольку источником «неолитизации» Северного Причерноморья большинство исследователей считают более развитые общества Передней Азии, предметом дискуссии стали лишь время и пути её распространения: западный — через Балканы и Подунавье, или восточный — через Кавказ или Закаспий. Вторая широко обсуждаемая проблема — происхождение первой неолитической керамики юга Восточной Европы. Длительное время как альтернатива её ближневосточного генезиса рассматривалась возможность независимого восточноевропейского появления керамического производства, что как будто подтверждалось очень ранними радиоуглеродными датами елшанской неолитической культуры лесостепного Поволжья.

При рассмотрении обеих проблем основное внимание исследователей было приковано к наиболее ранним образцам неолитической керамики, которая характеризуется или ближневосточными признаками (плоскодонность, развитость форм и технологий), или подобием с елшанскими образцами (примитивные остродонные горшки без орнамента или украшенные разреженными наколами и простыми линейными композициями). При этом намного меньше внимания уделялось остро- и округлодонной посуде, украшенной зубчато-гребенчатым орнаментом. Его появление в лесостепной и степной зоне региона традиционно рассматривалось как проявление влияния населения более северных и северо-восточных территорий, которое привело к трансформации местной ранне-неолитической керамики южного или восточного происхождения (Телегин 1968: 229—231; Даниленко 1969: 35, 36, 153, 156; 1974: 39; Котова 1994: 55; Kotova 1998: 181—183).

Пожалуй, наиболее ярким проявлением посуды с зубчато-гребенчатым<sup>1</sup> орнаментом в Северном Причерноморье является керамика так называемого «самчинского» типа буго-днестровской неолитической культуры (далее — БДК). Ее своеобразие особенно заметно из-за значительного контраста между самчинским и другими типами керамики этой культуры — скибинецко-сокильцивским и пещерским, — имеющими яркие признаки посуды раннеземледельческого неолита Балкан и Карпато-Подунавья (Даниленко 1969: 152—153). Радиоуглеродные даты неолитических памятников, в инвентаре которых есть керамические сосуды с характерными самчинскими чертами, свидетельствуют об их довольно раннем возрасте и позволяют по-новому подойти к решению проблемы как происхождения традиции зубчато-гребенчатой орнаментации в Северном Причерноморье, так и неолитизации этого региона в целом.

### 1. Керамика самчинского типа: История выделения. Общая характеристика

Керамика самчинского типа была выделена В. Н. Даниленко. В самых общих чертах он охарактеризовал её как округлодонную посуду, украшенную гребенчатым орнаментом (Даниленко 1969: 156). Впервые термин «керамика типа Самчинцы» был использован в октябре 1958 г. Он содержится в записи полевого дневника В. Н. Даниленко, описывающей разведочные работы П. И. Хавлюка на памятниках Ладыжин I и Ладыжин II, которые расположены на правом берегу р. Южный Буг, вблизи г. Ладыжин Винницкой области (Даниленко 1958). По утверждению исследователя, это название связано с эталонной коллекцией керамики, найденной им и П. И. Хавлюком в 1957 г. при расчистке «кухонной кучи» на памятнике Самчинци II,<sup>2</sup> расположенном на левом берегу Южного Буга, вблизи железнодорожной станции Самчинци в с. Райгород Нэмыривского района Винницкой области (Даниленко 1959—1961; 1969: 65, 118).

<sup>1</sup> Под «зубчатым» автор подразумевает орнамент, при нанесении которого один оттиск штампа оставляет след из двух или более углублений. При этом «гребенчатый» орнамент является частным проявлением «зубчатого».

<sup>2</sup> Тут и далее, приводя названия населенных пунктов, расположенных на территории Украины, а также производные от них названия археологических памятников, автор не переводит их на русский язык, а использует русскую транслитерацию украинских названий.

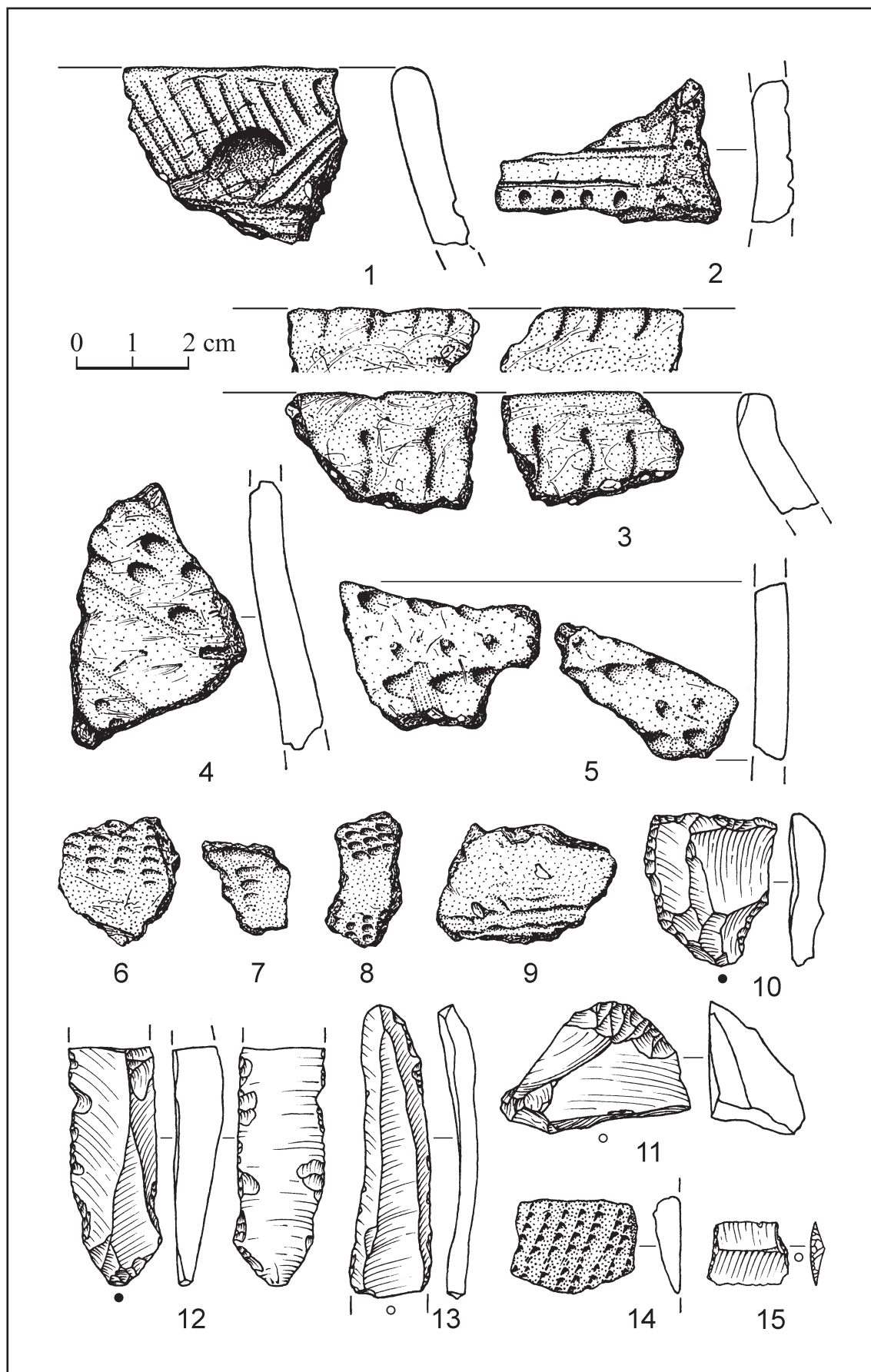
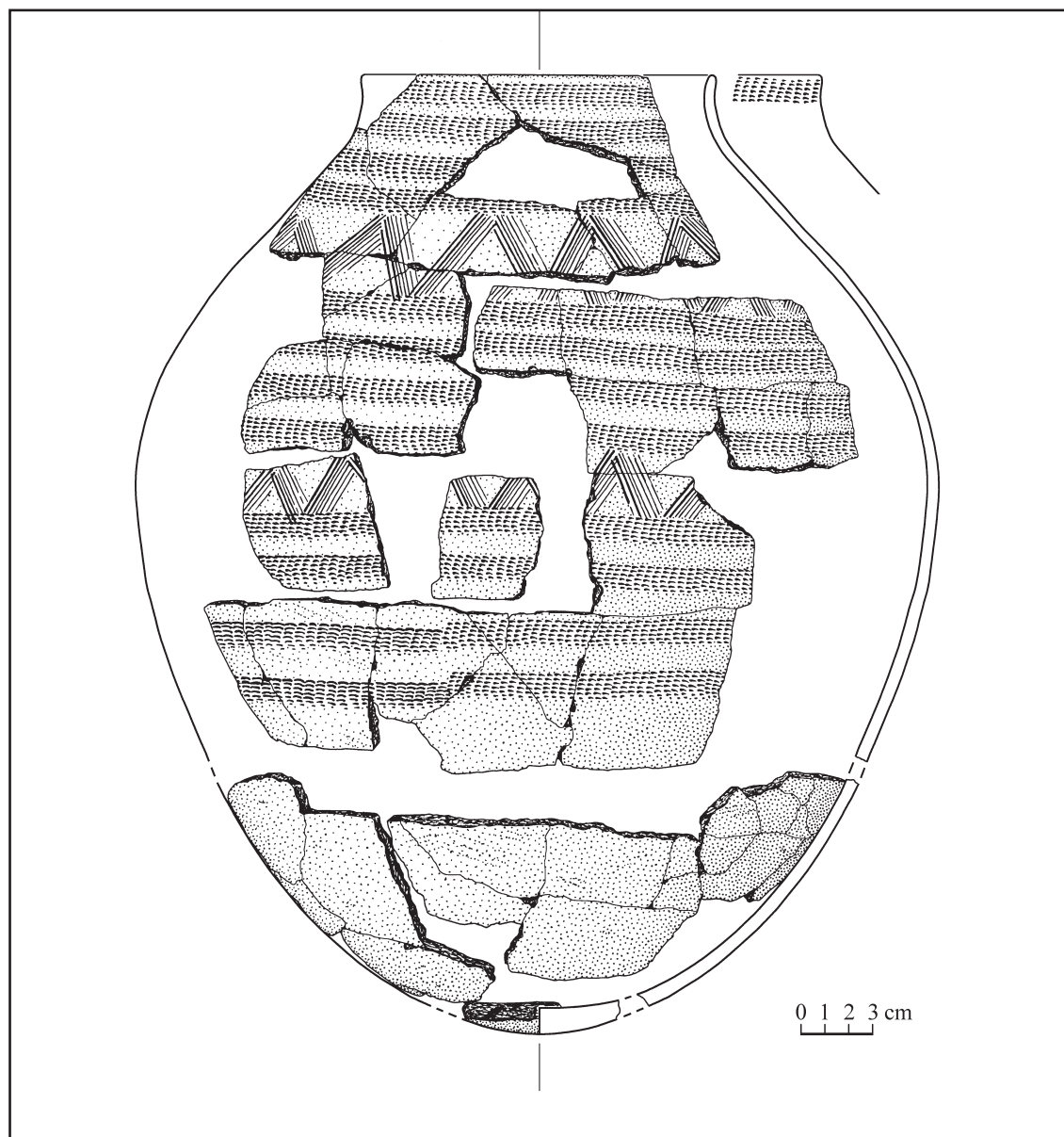


Рис. 1. Самчинцы II (1—13), Завалля (14, 15). Керамика (1—9, 14) и кремневые изделия (10—13, 15). 6—9 — по фотографиям из полевого отчета В. Н. Даниленко (Даниленко 1958: табл. I).



**Рис. 2.** Самчинци I. Графическая реконструкция сосуда № 3.

Знакомство с коллекцией Самчинцев II, находящейся в Институте археологии НАН Украины, заставляет усомниться в этом утверждении В. Н. Даниленко, поскольку из-за значительной фрагментированности и маленьких размеров обломков керамика совершенно неинформативна с точки зрения изучения формы посуды (рис. 1: 1—9). В ней, как и в инвентаре всех остальных памятников БДК, известных на 1957 г., отсутствуют находки достоверно округлодонных сосудов, украшенных гребенчатым орнаментом (Гаскевич 2008а). К тому же этот памятник не был ни первым с материалами такого типа, обнаруженным на Южном Буге, ни самым ярким или самым богатым по количеству находок. Удивление вызывает и то, что не в 1957 г., а только через год после исследования этот

пункт начинает выступать в качестве эталонного и эпонимного.

Более вероятной выглядит связь названия «керамика самчинского типа» с другим памятником — Самчинци I, расположенном на левом берегу Южного Буга, неподалеку от с. Самчинци Нэмыривского района Винницкой области, в 2,3 км юго-западнее Самчинцев II (Гаскевич 2008б: 181, 182). Памятник был обнаружен П. И. Хавлюком в 1956 г. и исследован им и В. Н. Даниленко в 1957—1959 годах. При этом в 1958 г. на памятнике были обнаружены остатки всего лишь одного сосуда (№ 3), залежавшие на поверхности размытого берега реки (Даниленко 1958). Однако, без сомнения, именно он является самым известным и лучше всего сохранившимся сосудом самчинского типа, изображе-

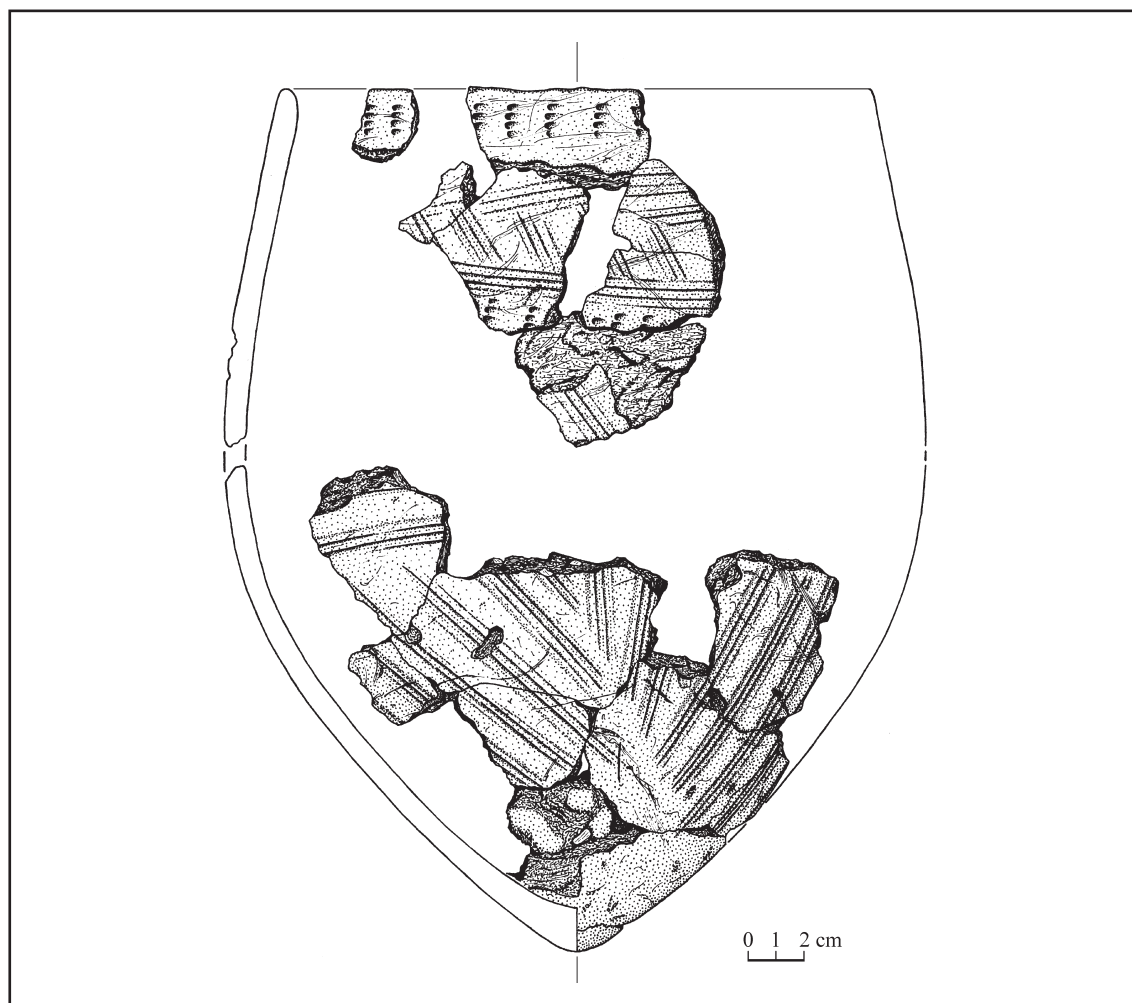


Рис. 3. Шуришви-Пориг. Графическая реконструкция сосуда.

ние которого уже в течение 50 лет чаще всего иллюстрирует упоминания о самчинской керамике в обобщающих публикациях, посвященных БДК и неолиту Украины (Даниленко 1969: 119, рис. 92; 1971: 90, рис. 24: 15; 1985: 123, рис. 31: 15; Котова 1994: 137, рис. 27: 7; 2002: 179, рис. 55: 11; Черныш 1996: 23, рис. 23: 56).

Это горшок с округлым дном, несколько вытянутым шаровидным корпусом, низкой вертикальной горловиной и слегка отогнутым наружу краем венчика (рис. 2). Диаметр венчика — 15 см, максимальный диаметр корпуса — 33,5 см, а высота — около 40 см. Край венчика приостренный, срез заокругленный. Толщина стенок — 0,4—0,6 см, дна — 1,1 см. Сосуд изготовлен из глины с примесью большого количества грубой дресвы и камней (максимальный зафиксированный размер — 0,8 см),<sup>3</sup> конкреций темно-красной охры

(максимальный зафиксированный размер — 0,6 см), а также незначительного количества тонких органических волокон. Большая часть внешней поверхности тщательно заглажена и подлощена, хотя местами на ней заметны разнонаправленные расчесы, а также долепы, призванные скрыть сильно выступающие камни. Внутренняя поверхность заглажена, имеет спорадические следы горизонтальных расчесов. Цвет снаружи и в середине красно-бурый с темно-бурыми и черными пятнами, излом чаще бурый, местами серый, черный или пестрый. На внутренней поверхности сосуда, под краем венчика, нанесен 1 горизонтальный ряд отпечатков гребенчатого штампа. Внешняя поверхность орнаментирована 3 горизонтальными зонами из 4 горизонтальных рядов отпечатков гребенчатого штампа каждая, разделенными 2 зонами проглаженного орнамента из нескольких параллельных линий, образующих горизонтальный зигзаг. Вертикально поставленные или слегка наклоненные отпечатки 7-зубого гребенчатого штампа длиной 1,1 см наносились скорописным способом — с протягиванием.

<sup>3</sup> Тут и далее гранулометрические показатели даны по Н. А. Качинскому: песок — до 0,1 см, дресва и гравий — 0,1—0,3 см, камень — больше 0,3 см (Качинский 1965).

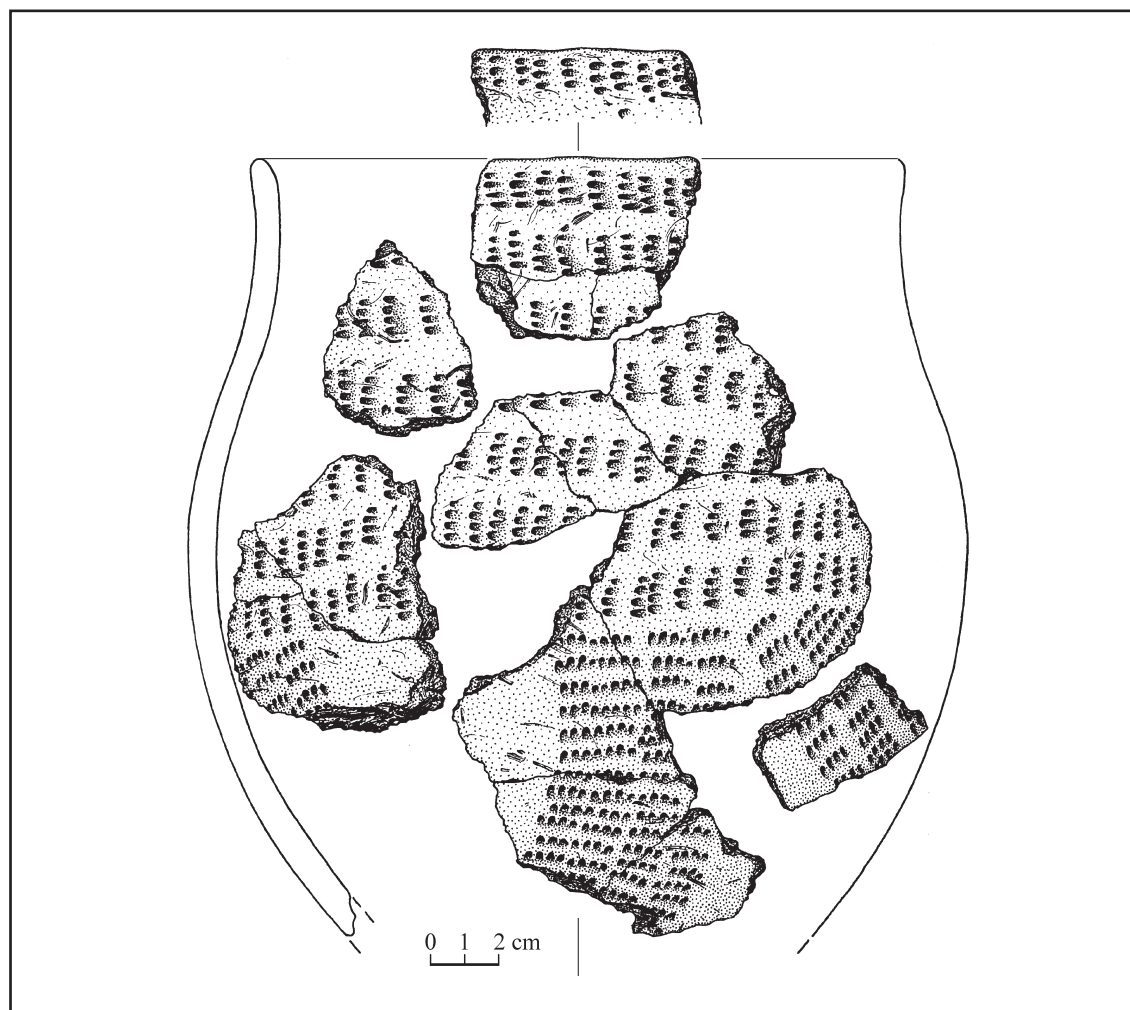


Рис. 4. Шуриуци-Порию. Графическая реконструкция сосуда.

Этим же штампом проглаживались и тонкие параллельные линии. В зависимости от угла, под которым наносился штампованный и прочерченный орнамент, иногда заметны следы лишь 6 или 5 зубцов.

Описанный сосуд полностью отвечает обобщенным характеристикам технологии изготовления и стилистических особенностей орнамента самчинской керамики, установленным в результате анализа керамических материалов буго-днестровских пунктов, «самчинский» характер которых определил сам В. Н. Даниленко (детальнее: Гаскевич 2008б). По данным его монографии 1969 г., керамика самчинского типа представлена на 19 описанных в ней буго-днестровских памятниках Лесостепного Побужья. При этом для 14 из них исследователь отметил наличие, кроме самчинских, еще и находок буго-днестровской посуды других керамических типов. Поэтому, чтобы упредить возможные упреки в рассмотрении смешанных комплексов, анализу были подвергнуты материалы лишь тех 5 памятников, при описа-

нии которых никаких других находок, кроме самчинских, В. Н. Даниленко не упоминал. Этими памятниками являются: Самчинци II, Шуриуци-Порию, Жакчик, Завалля и Ладьжин II (Даниленко 1969: 117—121). В целом их коллекции, хранящиеся в Институте археологии НАН Украины, на данный момент содержат обломки 1 сосуда культуры линейно-ленточной керамики (Шуриуци-Порию, сосуд № 4 — рис. 5: 1) и 27 сосудов БДК (см. таблицу 1).

Проведенный анализ был направлен, в первую очередь, на выявление стилистических особенностей самчинского орнамента — его типов и манеры нанесения. В отличие от содержания орнамента, выраженного в его композиции, стилистические характеристики практически не зависят от функционального назначения конкретного сосуда, возрастного и социального статуса его изготовителя или владельца и т. д. Соответственно, они шире представлены в археологическом материале и легче выделяемы. В то же время, именно стойкие стилистические тенденции, иначе

Таблица 1.

**Характеристики буго-днестровских сосудов  
из памятников с «чистыми» (по В. Н. Даниленко) самчинскими комплексами**

Памятник	Сосуд	Кол-во фрагментов	Орнамент										Формовочная масса										Толщина стенки (см)	Рисунок
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20		
Самчинци II	№1	1	0.1	0.1, 0.2								+	+	+								0.7	1: 1	
	№2	6												+								0.6—0.7	1: 3	
	№3	1	0.1																			0.6—0.7	1: 2	
	№4	3					2 / 1.0					+										0.5—0.6	1: 5	
	№5	1		0.2								+										0.5—0.7	1: 4	
	№6	3											+									0.5		
Шурици - Пориг	№1	17			4 / 1.0	4 / 1.0						+	+	+								0.7—0.9	3	
	№2	23				4 / 1.1	+					+	+	7								0.6—0.7	4	
	№3	1	0.1									+	+	3.5	+							0.4—0.6	5: 3	
	№5	1				3 / 0.6	+					+	+									0.5—0.6	5: 2	
	№6	1										+	+	4	+							0.6—0.7		
	№7	1										+	+									0.5—0.6		
	№1	42	0.2	4 / 0.7	4 / 0.7	+						+	+	4								0.3—0.7	6	
Лальжин II	№2	24		2 / 0.4								+	+	7	+							0.3—0.7	7: 1—6	
	№3	4	0.1									+	+	7	+							0.4—0.7	7: 7	
	№4	4										+	+									0.5—0.7	7: 10	
	№5	1	0.1	0.4								+	+	4								1.0	7: 9	
	№6	1										+	+	4	+							0.7	7: 11	
	№7	1										+	+									0.5—0.6	7: 8	
	№1	2				4 / 0.7	+					+	+	5								0.5—0.7	9: 1, 2	
Жакчик	№2	1	0.2, 0.3			3 / 1.1						+	+									0.5—0.6	9: 3	
	№3	1	0.1	0.2								+	+									0.3	9: 4	
	№4	1			5 / 1.2	5 / 1.2						+	+									0.7—0.8	9: 5	
	№5	3	0.3									+										0.6—0.9	9: 6—8	
	№6	2	0.1									+	+									0.6—0.7	9: 9, 10	
	№7	2	0.3									+	+	5								0.7—0.9	9: 11	
	№1	1				6 / 1.1																?	1: 14	

1 — прочерченные линии (ширина, см); 2 — проглаженные линии (ширина, см); 3 — ленты линий, проглаженных зубчатых штампом (количество зубцов/ширина ленты, см); 4 — отпечатки зубчатого штампа (количество зубцов/длина, см); 5 — отпечатки зубчатого штампа, нанесенные с протягиванием; 6 — ногтевые наколы; 7 — овалы и треугольные наколы; 8 — дуговидные наколы (длина, см); 9 — мелкие ямки-наколы; 10 — пальцевые наколы; 11 — органические волокна; 12 — дресва; 13 — дресва; 14 — камень (максимальный зафиксированный размер, мм); 15 — слюда; 16 — графит; 17 — графит; 18 — обломки раковин (максимальный зафиксированный размер, мм); 19 — охра/дровавик; 20 — шмот.

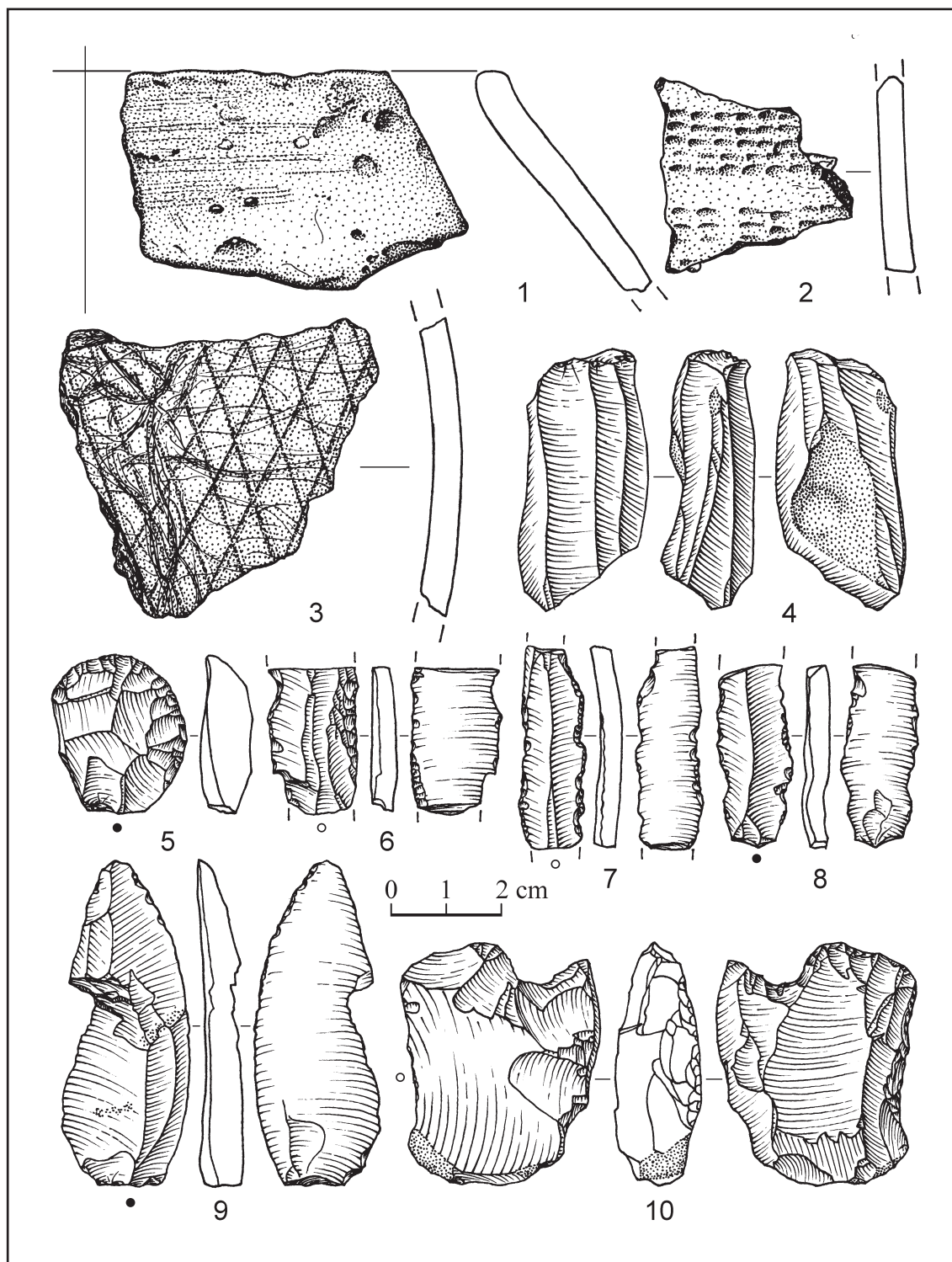


Рис. 5. Шуривци-Пориг. Керамика (1—3) и кремневые изделия (4—10).

называемые «традицией» (Шер 2004: 11, 12), имеют первоочередное значение как критерии классификации археологического материала и в силу своей консервативности более подходят для решения проблем генезиса археологических явлений.

Итак, орнамент был зафиксирован для 22 из 27 рассмотренных сосудов БДК. Это свидетельствует о высоком проценте орна-

ментированной посуды по сравнению с неорнаментированной. Учитывая, что многие сосуды представлены 1—3 фрагментами, этот показатель может говорить и о высокой плотности заполнения орнаментом поверхности каждого изделия.

Все разнообразие орнаментов было поделено на 2 типа: линейный (15 сосудов) и штампованный (15 сосудов).

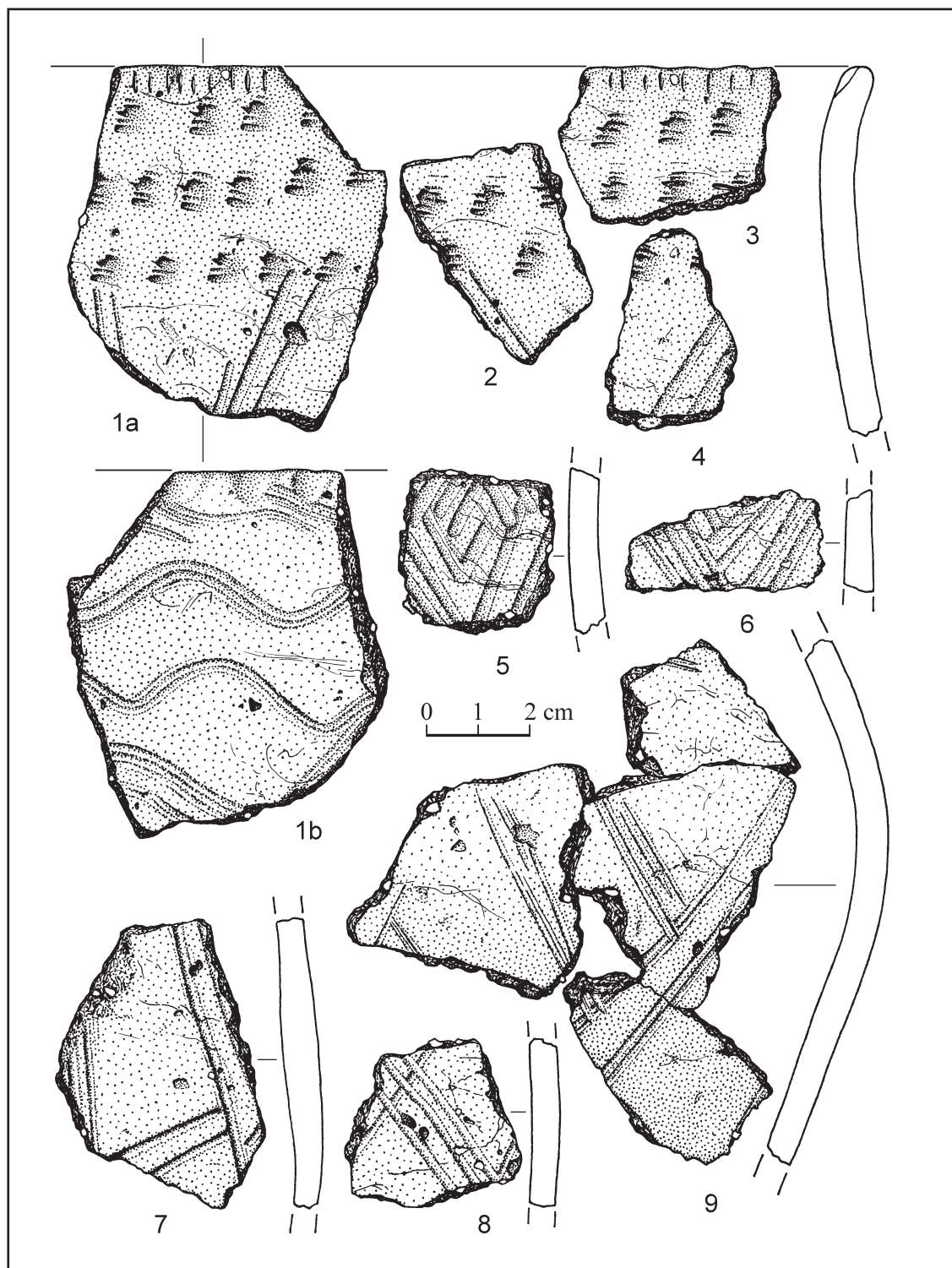


Рис. 6. Ладыжин II. Фрагменты керамического сосуда.

По манере нанесения были выделены 2 вида линейного орнамента: а) прочерченный (5 случаев) и б) проглаженный (13 случаев). При этом в 3 случаях орнамент обоих видов сочетается на одном сосуде. Максимальная зафиксированная ширина прочерченной линии — 0,1 см. Средняя ширина проглаженных линий — 0,2 см, максимальная — 0,4 см. Обращает на себя внимание,

что иногда проглаженные линии наносились зубчатым орнаментом (4 случая). При этом они лишь один раз сочетались с обычными проглаженными линиями и ни разу — с прочерченными.

Исходя из характера использованного орнамента, выделено 3 вида штампованного орнамента: а) нанесенный зубчатым орнаментом (9 случаев); б) нанесенный не-зубчатым

№2. 2010

орнаментиром разной формы, далее — «наколь» (4 случая); в) нанесенный подушечкой пальца или ногтем (4 случая). При этом на 2 сосудах зубчатые отпечатки сочетаются с обычными проглаженными линиями, на 3 — с линиями, проглаженными тем же зубчатым штампом, на 1 — с пальцевым вдавлением. Ни на одном сосуде не зафиксировано сочетаний отпечатков зубчатого штампа с тонкими прочерченными линиями и наколами. Зубчатые штампы имеют от 2 до 6 зубцов, но чаще всего встречаются 4-зубые. Их длина варьирует в диапазоне 0,6—1,2 см. В 4 случаях они наносились в скорописной манере — с протягиванием.

По результатам проведенного анализа, исходя из наиболее повторяемых стилистических особенностей орнаментации, в керамике рассмотренных памятников выделены 2 относительно обособленные друг от друга группы посуды. Первая — сосуды с композициями, образованными проглаженными линиями шириной до 0,4 см. Вторая — сосуды с отпечатками зубчатых штампов, часто сочетающимися с линиями, нанесенными этими же зубчатыми штампами. Каждая из двух групп представлена 10 сосудами. Сочетание орнаментов разных групп на одном сосуде встречается лишь дважды (Ладъжин II, сосуд № 1 и Жакчик, сосуд № 2). Еще одной специфической самчинской чертой можно считать нанесение орнамента на внутренний край венчика, зафиксированное на обломках 3 из 7 сосудов, венчики которых сохранились.

Возвращаясь к «эталонному», с точки зрения автора, сосуду № 3 поселения Самчинци I, следует отметить, что его орнамент соответствует критериям выделения второй группы самчинской посуды. Значит ли это, что керамика первой группы является инородной для 5 рассмотренных памятников и не может называться «самчинской»? Ответ на этот вопрос был дан через сравнение визуально определимых примесей в составе формовочных масс сосудов обеих групп.

Формовочные массы 27 проанализированных сосудов чаще всего содержат примесь органических волокон (23 сосуда) и песка (23 сосуда). Сочетание этих примесей зафиксировано в 20 случаях. Несколько реже в массе встречается дресва (20 сосудов) и камни, обычно, полевого шпата (13 сосудов). Обращает внимание, что камни всегда сочетаются с дресвой. Поэтому будет логичным далее примесь камней и дресвы рассматривать вместе как единую «грубую минеральную» примесь. В глине приблизительно четверти изделий присутствует слюда (7 сосудов) и гра-

фит (6 сосудов). Первая — всегда, а второй — почти всегда сочетается с камнями и дресвой (исключение — Завалля).

К нехарактерным для самчинской посуды следует отнести примеси гравия (4 сосуда) и измельченных раковин (4 сосуда). Примечательно, что в 3 случаях они сочетаются между собой, и реже — с дресвой и камнями (1 случай для раковин и 2 — для гравия). Это может свидетельствовать, что примеси раковин и гравия являются показателем некоей отличной от самчинской традиции приготовления формовочной массы.

Малоинформативными из-за своей малочисленности являются примеси охры/краски (3 случая) и шамота (2 случая). Они могут выступать как вместе с характерной самчинской примесью дресвы и камней, так и отдельно.

Таким образом, из 10 достоверно «самчинских» сосудов, украшенных зубчатыми отпечатками и линиями, нанесенными зубчатым штампом, формовочные массы только двух (Щуривец-Пориг, сосуд № 1 и Завалля, сосуд № 1) не содержали грубой минеральной примеси. Точно так же из 10 сосудов, орнаментированных проглаженными линиями, грубой минеральной примеси не было лишь в двух случаях (Жакчик, сосуды № 3 и № 5). Этот результат демонстрирует, что в большинстве случаев сосуды обеих групп, выделенных по стилю орнаментации, изготавливались из одинаковой формовочной массы и могут считаться равноправными составляющими единого «самчинского» керамического комплекса.

В то же время, проведенный анализ позволяет выделить из рассмотренной орнаментированной посуды те сосуды, которые не имеют ни характерной самчинской орнаментации, ни характерных самчинских примесей. Это сосуд № 3 из Самчинцев II, украшенный прочерченными линиями и ямками-наколами, изготовленный из глины с примесью гравия и раковин (рис. 1: 2), и, возможно, сосуд № 4 из Ладъжина II, украшенный ногтевыми вдавлениями и сделанный из глины с примесью только органических волокон и песка (рис. 7: 10). Отсюда можно сделать вывод, что коллекции этих двух памятников содержат некоторое количество буго-днестровской керамики другого — «не-самчинского» — типа. Является ли ее сочетание с самчинской керамикой следствием механического смешения разновременных материалов или одновременного использования на поселениях разнотипной посуды, сейчас определить не представляется возможным.

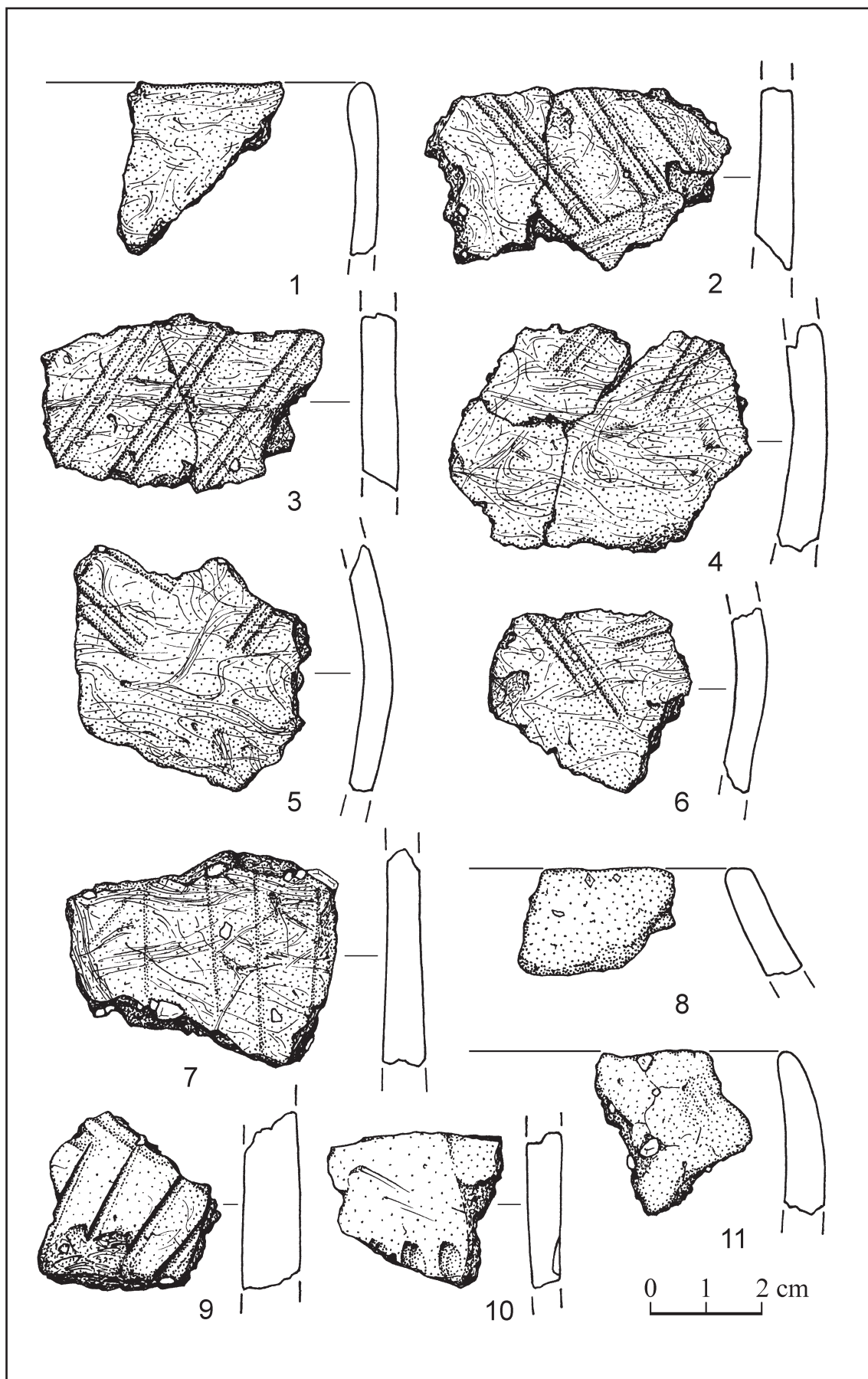


Рис. 7. Ладыжин II. Керамика.

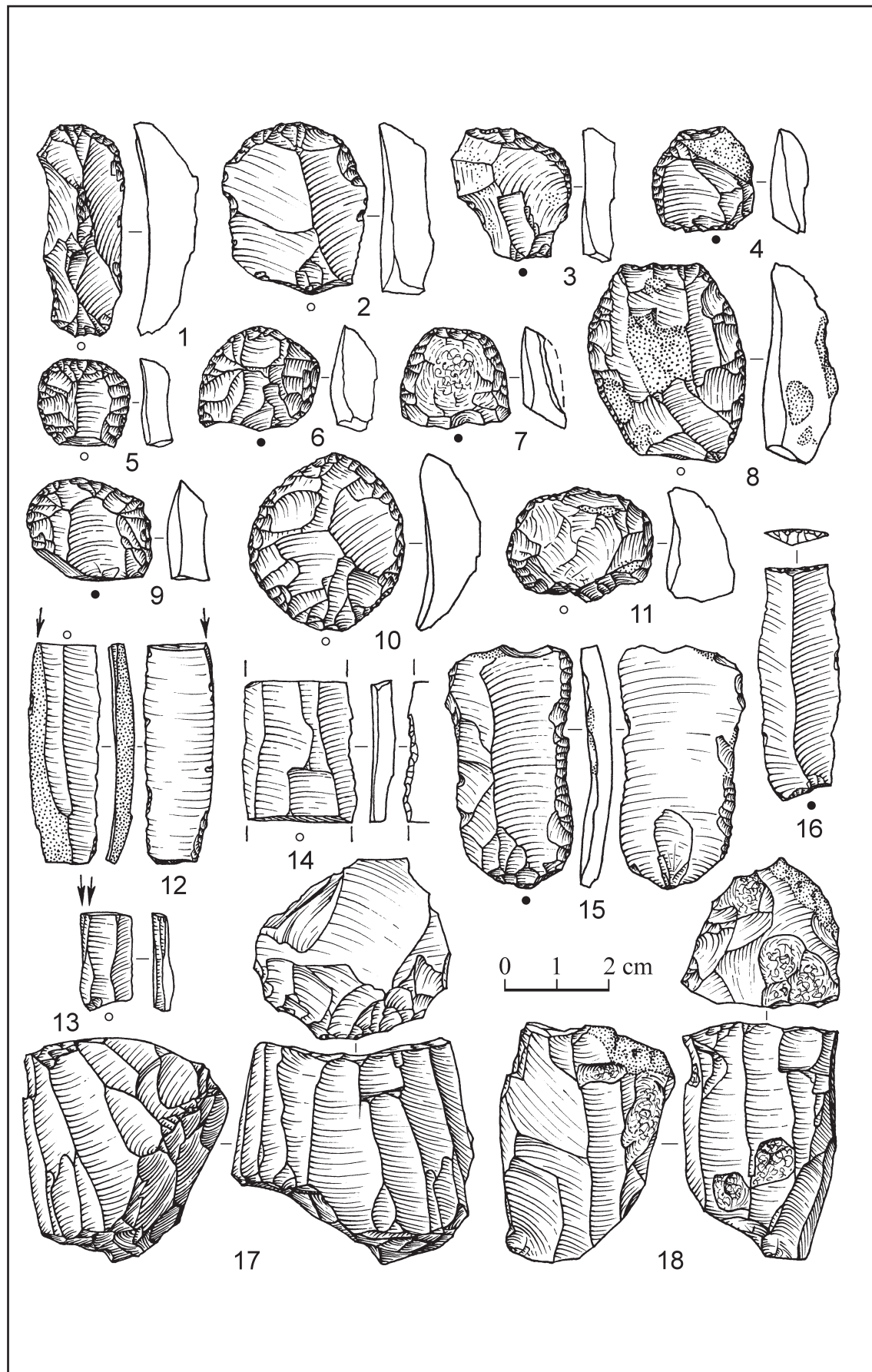


Рис. 8. Ладыжин II. Кремневые изделия.

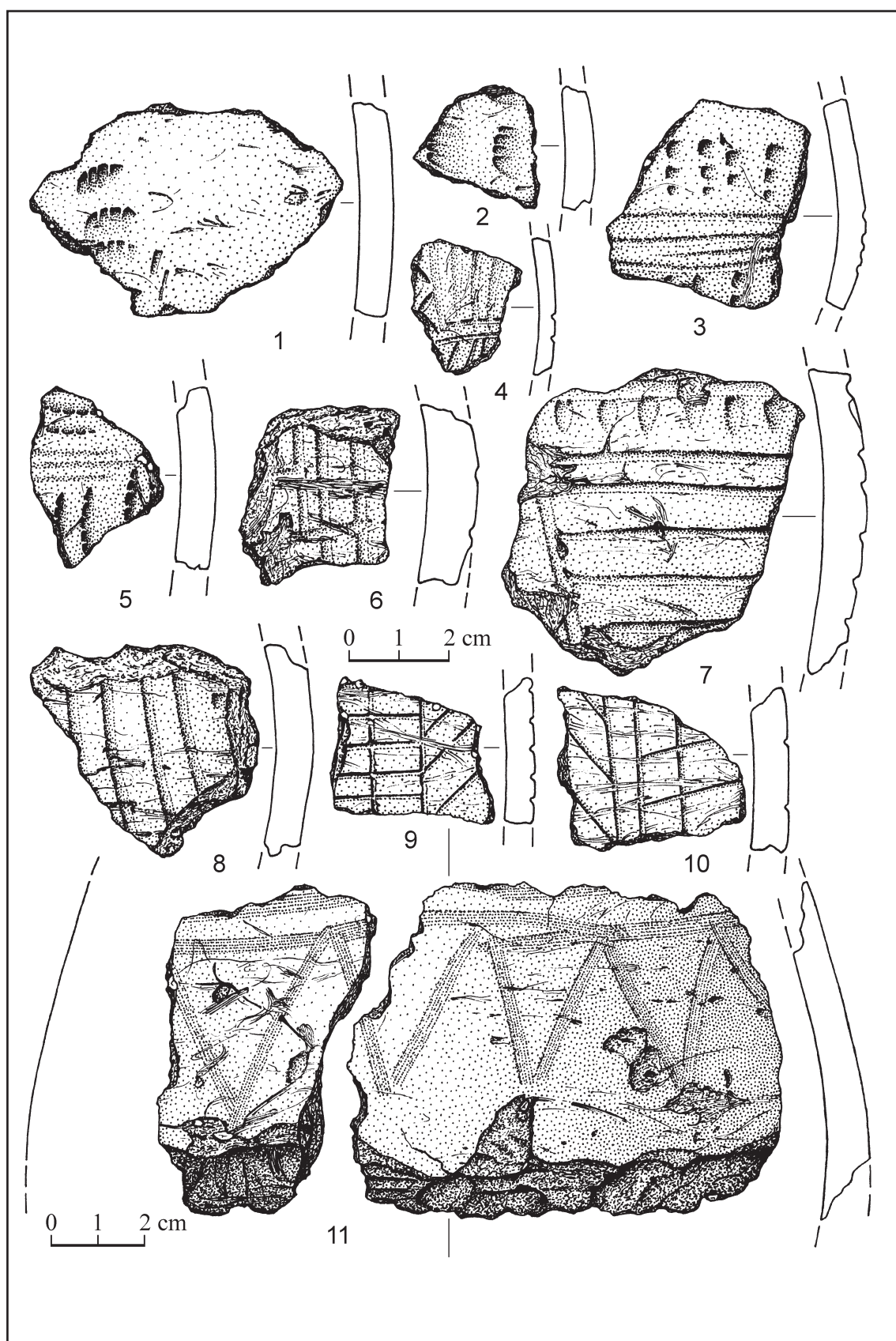


Рис. 9. Жакчик. Керамина.

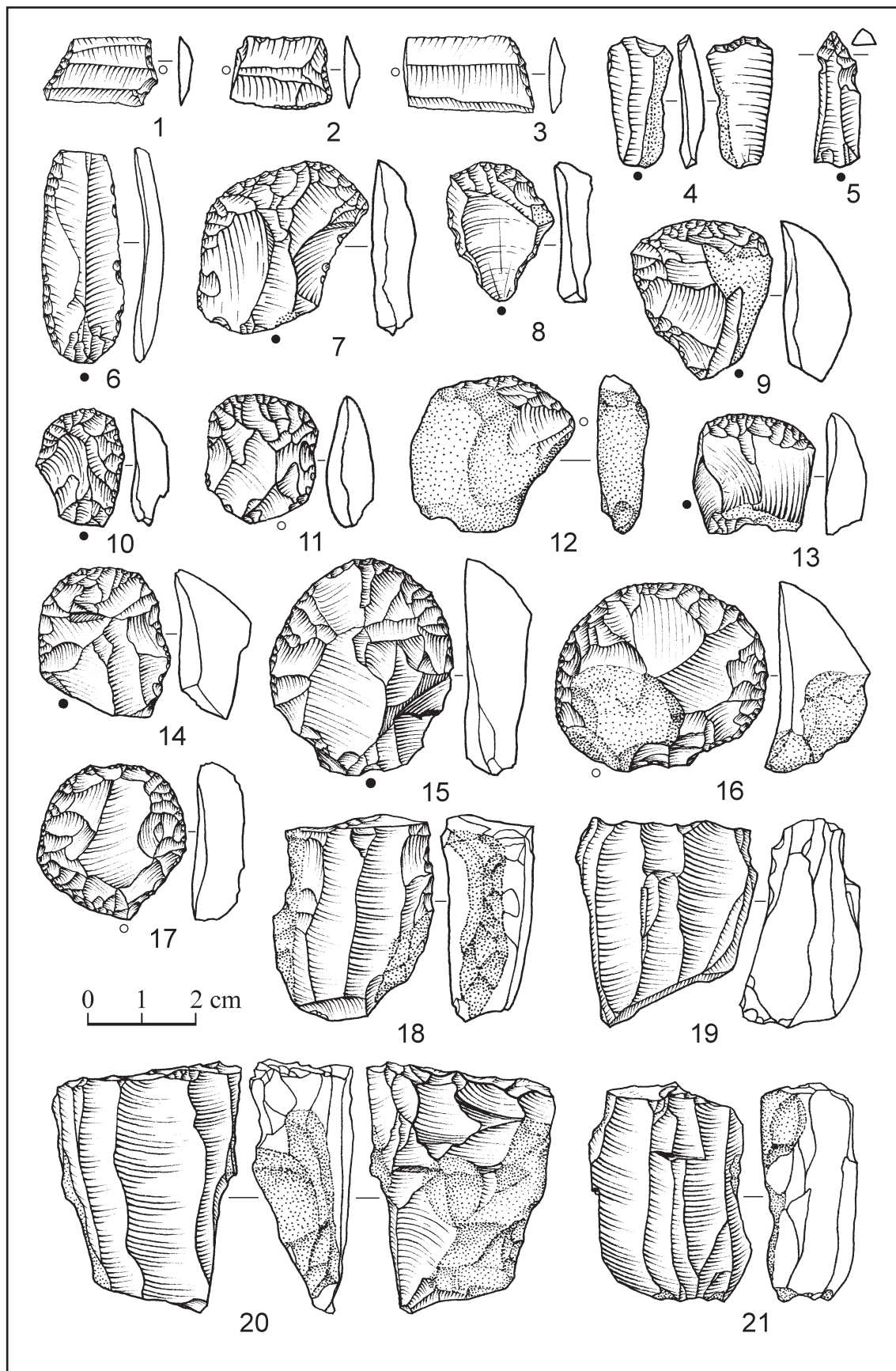


Рис. 10. Жакчик. Кремневые изделия.

## 2. Керамика самчинского типа на Южном Буге и Днестре

Как уже упоминалось, по данным монографии В. Н. Даниленко, «самчинская» керамика, кроме 5 проанализированных «чистых» самчинских памятников, представлена еще на 14 исследованных раскопками и зачистками пунктах БДК Лесостепного Побужья,<sup>4</sup> в инвентаре которых она сочетается с посудой других типов. Это практически все неолитические памятники с более-менее представительными керамическими коллекциями, которые были известны в регионе на тот момент.

По данным Н. Т. Товкайло, в инвентаре буго-днестровских памятников Степного Побужья Пугач 1, Пугач 2, Гард 3, Гард 4 преобладает так называемая «савранская» керамика, орнаментированная широкими желобчатými линиями. Но вместе с ней на этих памятниках была найдена и керамика с характерными самчинскими чертами: протянутыми оттисками гребенчатых штампов, узкими проглаженными линиями и линиями, нанесенными гребенчатыми штампами, венчиками, орнаментированными с внутренней стороны. Также исследователь обращает внимание на широкое распространение в регионе посуды «с преобладающими примесями толченого кварца, грубого и мелкого песка» (Товкайло 2005: 30—35).

Единственным буго-днестровским памятником Поднестровья, керамика которого четко определяется как «самчинская», является раскопанный В. И. Маркевичем пункт Сорока I, слой 1, горизонт «а». Исходя из описания, помещенного в монографии исследователя, формовочные массы сосудов почти всегда содержат примесь органических волокон и в большинстве случаев — песка, что соответствует фоновым примесям в однотипной керамике Побужья. Также В. И. Маркевич упоминает наличие посуды, изготовленной из глины «с толченым кварцем (кремнем)», который следует соотнести с грубой минеральной примесью камней и дресвы. В орнаментации сосудов широко использовались различные виды зубчатых штампов с числом зубцов от 2 до 6. Судя по опубликованным рисункам и фотографиям, иногда они наносились в скорописной манере. Также с материалами Побужья хорошо согласуется то, что у сосудов из Сорока I,

слой 1, горизонт «а» «по краю венчика с внутренней стороны всегда наносился один ряд оттисков штампа» (Маркевич 1974: 56—58).

Таким образом, самчинский характер керамических материалов памятника можно считать подтвержденным. Но, как в свое время отметил Д. Я. Телегин, в ранних публикациях В. И. Маркевича все находки слоя 1 этого поселения рассматривались как один однородный комплекс. Исходя из этого, Д. Я. Телегин сделал вывод насчет расчленения слоя 1 на самчинский и печерский горизонты уже после окончания полевых работ, что может свидетельствовать об отсутствии на памятнике четкой стратиграфии (Телегин 1977: 89). Следовательно, находки Сорока I, слой 1, горизонт «а» не следует рассматривать как «чистый» самчинский комплекс.

Сосуды, орнаментированные отпечатками зубчатых штампов, находящихся в движении, были обнаружены и на савранских памятниках Поднестровья Сорока V и Цыкынивка, исследованных В. И. Маркевичем. Однако, описывая состав их формовочных масс, исследователь не упоминает наличие грубых минеральных примесей (Маркевич 1974: 115, 116, 123, 124). Обломки посуды, по всем признакам подпадающей под определение «самчинской», также найдены на недавно исследованном В. А. Дергачевым, О. В. Лариной и К.-П. Вехлером памятнике Тэтэрэука Ноуэ XV (Ларина 2006: 41—47).

В отличие от перечисленных памятников, расположенных непосредственно на Днестре в пределах лесостепной зоны, пункт Гиржевэ находится в степном междуречье Днестра и Южного Буга, на правом берегу р. Кучурган (левый приток Днестра), неподалеку от с. Гиржевэ Вэлько-Мыхайлиевского района Одесской области. Памятник был исследован П. И. Борисковским и В. Н. Станко в 1961—1963 гг. Кремневые изделия и обломки керамической посуды залежали вперемешку на незначительной глубине, в слое глины и глинистого песка, сильно пострадавшем вследствие плантажной вспашки (Борисковский 1963: 2—8). На момент исследования все найденные на нем материалы были поделены на два комплекса — мезолитический кремень и трипольскую керамику. Позже в керамической коллекции были выделены еще три составляющие — посуда римского (черняховская культура) и скифского времени, а также неолитической эпохи. По словам В. Н. Станко, 7 фрагментов неолитической керамики, опубликованные им в 1967 г., В. Н. Даниленко отнес к «самчинскому времени» (Станко 1967: 167,

<sup>4</sup> Базькив Острив, Мытькив Острив, Сокильци I, Сокильци II, Сокильци VI, Зянькивци II, Шимановськэ II, Глынськэ I, Мэльнычна Круча, Пэчера I, Самчинци I, Коржив, Ладыжин I, Саврань.

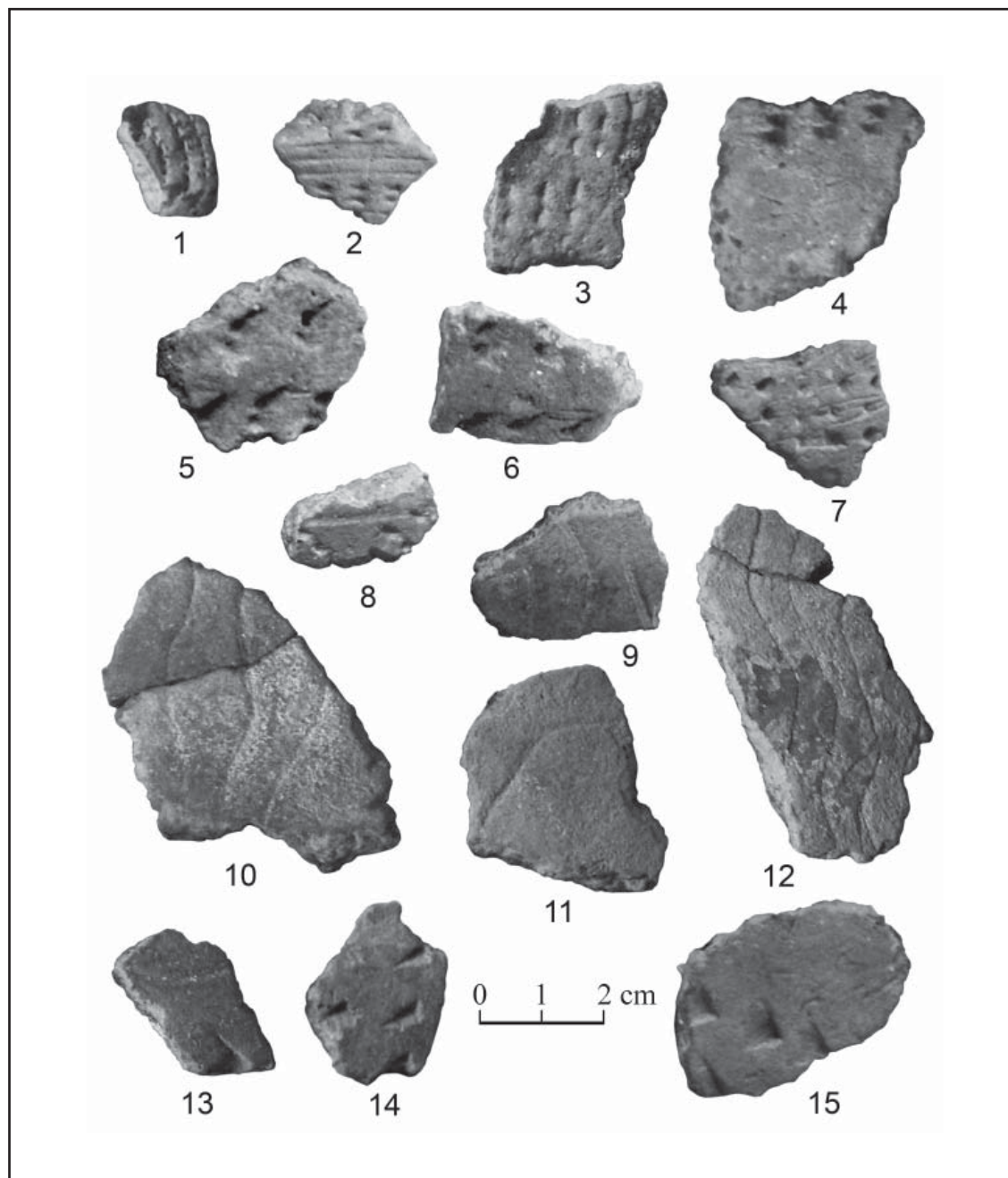


Рис. 11. Гиржевэ. Керамика (по фото планшета из экспозиции Одесского археологического музея).

168). Сейчас 5 из них выставлены в экспозиции Одесского археологического музея. Вместе с ними экспонируется еще 1 неолитический фрагмент, ранее опубликованный исследователем как обломок трипольского сосуда, а также 10 ранее не публиковавшихся фрагментов неолитической керамики. Орнаментация некоторых из этих 16 фрагментов имеет выраженный самчинский характер. В частности, в коллекции присутствуют обломки посуды, орнаментированные отпечатками гребенчатого штампа (рис. 11: 1—8), в т. ч. скорописными (рис. 11: 2, 4—6);

линиями, нанесенными гребенчатым штампом (рис. 11: 2); узкими проглаженными линиями (рис. 11: 10—13).

### 3. Керамика самчинского типа за пределами ареала БДК

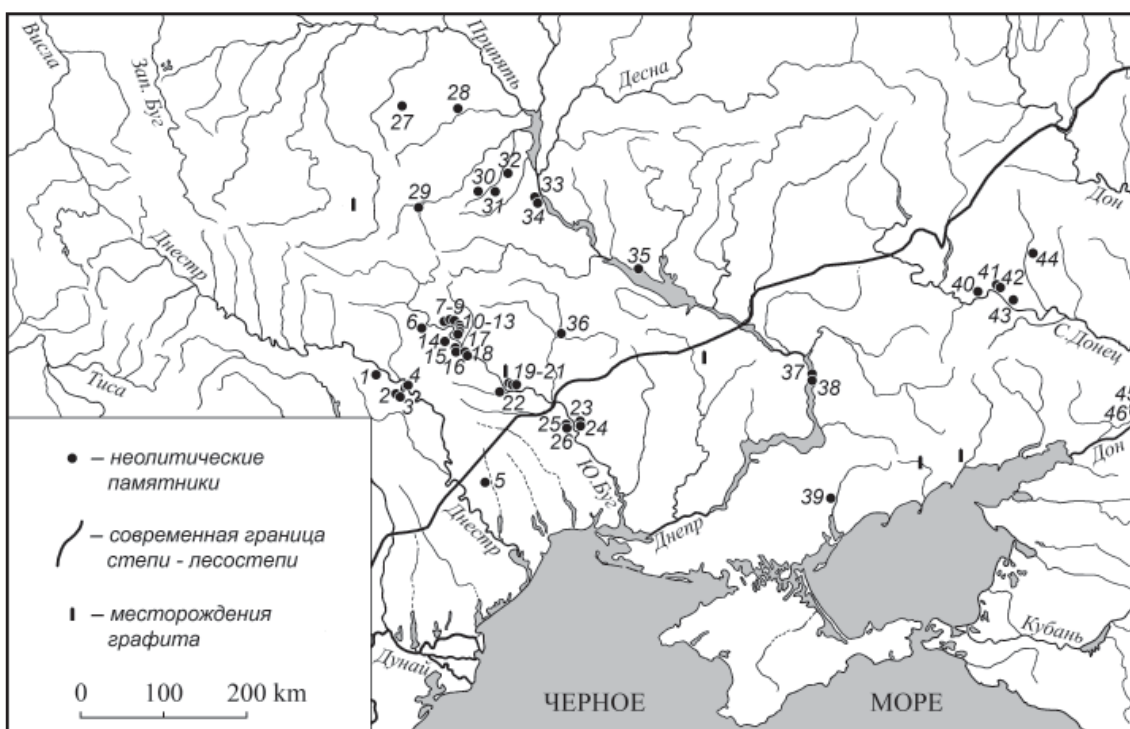
Характерные черты самчинской орнаментации зафиксированы не только в буднестровской керамике, но и на посуде других неолитических культур степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Так, скорописные отпечатки гребенчатого штампа,

орнамент на внутренних краях венчиков сосудов, линейный орнамент, нанесенный зубчатым штампом, отдельно и в различных сочетаниях присутствуют в керамических материалах памятников, относимых к ракушечной (Ракушечный Яр, слой 22, 15, 13, 10) (Белановская 1995: 100—109), нижнедонской (Раздорское 1, слой 2; Ракушечный Яр, слой 5) (Котова 2002: 196, 202, рис. 72: 1, 2; 78: 2, 5), сурской (Сэмэнивка 1, нижний слой; Стрильча Скэля, нижний слой; Кизлэвий Острив V) (Котова 2002: 129, 134, 136, рис. 5: 2, 3, 13, 14; 10: 3; 12: 1—3, 7; Тубольцев 2003), тубинской (Старобильськ; Туба 2) (Манько 2006: 205—206, 221—232, рис. 85: 1; 86: 2; 101—112) и донецкой (Зэлэна Горныця 5; Зэлэна Горныця 6; Зльвки) (Котова 2002: 230, рис. 106: 3; Манько 2006: 162, 165, рис. 42; 45) неолитическим культурам.

Самчинские черты орнаментации присутствуют и на ранне-неолитической керамике памятников днепро-донецкой культуры в лесостепном Поднепровье (Мутыхы) и Буго-Днепровском междуречье (Добрянка 1), а также на самом юге лесной зоны,

в Киево-Житомирском Полесье (Лазаривка, Крушныкы, Заваливка, Ходосивка, Романкив) (Телегин 1995: 112, рис. 3: 1, 2; Телегин, Титова 1998: 142, рис. 42: 19; Залізняк 1998: 233, рис. 91: 1, 4, 5; Залізняк, Манько 2004: 161, рис. 8; Гаскевич 2001: 45—46, рис. 5: 16, 18; 6: 27—32; Готун та ін. 2007: 116, рис. 54: 10). Также они зафиксированы на посуде наиболее юго-восточных памятников припятско-неманской культуры, кремневые коллекции которых имеют яниславицкий характер при наличии отдельных изделий кукрекской культурной традиции (Гырло Гнылопяти, Корма 1Б, Бородянка 3В) (Неприна 1969: 135, рис. 1: 2, 3; Залізняк 1979: 57, рис. 3: 6; Залізняк, Балакин, Охріменко 1987: 69, рис. 4: 10, 12).

Итак, создается впечатление, что керамика самчинского типа БДК является лишь отдельным проявлением определенного стиля орнаментации посуды, который в большей или меньшей степени был распространен в неолите огромной территории от Днестра на западе до Дона на востоке и от северного побережья Черного моря на юге до Припяти на севере (рис. 12).



**Рис. 12.** Неолитические памятники с находками самчинской керамики и посуды, имеющей отдельные «самчинские» черты орнаментации: 1 — Тэтэрзука Ноуэ XV; 2 — Сорока I, сл. гор. «а»; 3 — Сорока V; 4 — Цыкынивка; 5 — Гиржевэ; 6 — Пэчера I; 7 — Коржив; 8 — Самчинци I; 9 — Самчинци II; 10 — Шуривици-Пориг; 11 — Шимановськэ II; 12 — Сокильци I, II, VI; 13 — Зянькивици II; 14 — Глыньськэ I; 15 — Ладыжин II; 16 — Ладыжин I; 17 — Мытькив Острив; 18 — Базькив Острив; 19 — Завалля; 20 — Жакчик; 21 — Мэльнычна Круча; 22 — Саврань; 23 — Пугач 2; 24 — Пугач 1; 25 — Гард 4; 26 — Гард 3; 27 — Жакчик; 28 — Крушныкы; 29 — Гырло Гнылопяти; 30 — Лазаривка; 31 — Заваливка; 32 — Бородянка 3В; 33 — Ходосивка; 34 — Романкив; 35 — Мутыхы; 36 — Добрянка 1; 37 — Стрильча Скэля, нижний слой; 38 — Кизлэвий V; 39 — Сэмэнивка 1; 40 — Зльвки; 41 — Зэлэна Горныця 6; 42 — Зэлэна Горныця 5; 43 — Туба 2; 44 — Старобильськ; 45 — Раздорское 1; 46 — Ракушечный Яр.

#### 4. Датирование памятников с керамикой самчинского типа

Важную информацию о месте первичного появления и направлении дальнейшего распространения традиций самчинского стиля орнаментации может дать сравнение радиоуглеродных дат неолитических памятников, на которых была обнаружена соответствующая керамика. Однако перед началом рассмотрения данных абсолютной хронологии следует сделать следующее замечание.

На сегодняшний день среди исследователей неолита Украины существуют два подхода к использованию радиоуглеродных дат памятников буго-днестровской культуры. Так, Н. С. Котова и В. А. Манько в своих работах используют исключительно даты, сделанные в Киевской радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины (далее — Киевская лаборатория) за последние 11 лет. При этом они игнорируют даты БДК, полученные в Киеве до 1998 г., а также даты Берлинской лаборатории (Котова 2002; Манько 2006). С другой стороны, Н. Т. Товкайло обращает внимание на несоответствие новых дат Киевской лаборатории археологическим данным и призывает отказаться от их использования (Товкайло 2004; 2005: 44—49). Причиной появления таких противоположных взглядов является несоответствие между новыми датами Киевской лаборатории, с одной стороны (далее — «новые даты»), и всеми остальными датами — с другой (далее — «старые даты»). Оно проявляется в систематическом углублении Киевской лабораторией календарного возраста памятников БДК, что заметно при сопоставлении их «старых» и «новых» дат, а также «новых» киевских дат с данными археологической синхронизации и радиоуглеродного датирования соседних неолитических культур Центральной Европы (Залізняк 2005: 125; 2006: 14,15; Товкайло 2005: 44—49; Гаскевич 2007; Kadrow 2007: 254). Позиция автора данной статьи в этой дискуссии сводится к тому, что до момента окончательного установления правильности одной серии дат и ошибочности другой и «старые», и «новые» даты БДК имеют одинаковое право на использование. Но такое использование может быть корректным лишь при условии, что «старые» и «новые» даты не будут рассматриваться в рамках одного «пакета», а также сравниваться друг с другом.

Итак, сейчас БДК имеет две абсолютные хронологии. Согласно «старой», самые ранние памятники культуры существовали в первой

половине 6 тыс. cal BC<sup>5</sup> (Bln-586: 6830±150 BP, для Сорока II, слой 1), а согласно «новой» — приблизительно на 500 лет раньше — еще в третьей четверти 7 тыс. cal BC (Ki-6697: 7470±60 BP; Ki-6698: 7405±55 BP; Ki-8166: 7410±65 BP, для нижних слоев Сокильци II и Базькив Острив) (Маркевич 1974: 138; Котова, Ковалюх 2002: 103). По «старым» датам, буго-днестровские памятники с самчинской посудой, но без керамики пещерского и скибинецко-сокильцивского стиля, которая традиционно считается более древней, существовали начиная с середины 6 тыс. cal BC (Bln-589: 6495±100 для Сорока V) (Маркевич 1974: 138). По «новым» датам, аналогичные памятники могли появиться почти за 500 лет до этого — в самом начале 6 тыс. cal BC (Ki-6655: 6930±55 BP для Гард 3 и Ki-6656: 6895±50 BP для Пугач 2) (Котова, Ковалюх 2002: 104).

Та же закономерность наблюдается и при сопоставлении дат памятника Гиржевэ. Одна «старая» дата Санкт-Петербургской радиоуглеродной лаборатории относит его существование к первой четверти 6 тыс. cal BC (Je-1703: 7050±60 BP) (Станко, Свеженцев 1988: 117). Однако 3 «новые» даты Киевской лаборатории, 2 из которых сделаны непосредственно по органической примеси в глине неолитической керамики, датируют Гиржевэ в пределах всей второй половины 7 тыс. cal BC (Ki-11240: 7390±100 BP; Ki-11241: 7280±170 BP; Ki-11743: 7200±220 BP) (Манько 2006: 19).

Две хронологии, «старая» и «новая», существуют и для памятника Ракушечный Яр, исследованного Т. Д. Белановской на острове Поречном, который расположен на р. Дон вблизи станицы Раздорская Усть-Донецкого района Ростовской области Российской Федерации (Белановская 1995). На сегодняшний день опубликованы 12 «старых» дат Ракушечного Яра, из которых 9 были сделаны в Санкт-Петербургской радиоуглеродной лаборатории по образцам раковин, костей и грунта, 2 — в Берлинской лаборатории по образцам древесного угля, и 1 — в Киевской по образцу раковины (Тимофеев и др. 2004: 75, 76). К сожалению, даты этой серии характеризуются значительными внутренними противоречиями. Например, по образцу раковины слой 5 датируется в пределах первой половины 7 тыс. cal BC, а по грунту — второй половиной 6 тыс. cal BC. При этом дата слоя 9, сделанная по об-

<sup>5</sup> Тут и далее календарные даты были получены с использованием программы OxCal Version 3.8, Bronk Ramsey 2002 и приведены исходя из их полных интервалов для базовой вероятности 68,2% (1σ).

разцу угля, относится к последней четверти 6 — первой четверти 5 тыс. cal BC, и к этому же времени относится дата для грунта из слоя 2. Вероятнее всего, эти противоречия объясняются использованием ненадежных образцов — раковин, грунта, угля, который мог принадлежать деревьям долгоживущих видов, а также образцов из ненадежных контекстов. По 13 «новым» киевским датам, полученным для образцов нагара на поверхности керамической посуды и органической примеси в их формовочной массе, слой 20 датируется в пределах первой половины 7 тыс. cal BC; слои с 14 по 10 — последней четвертью 7 тыс. cal BC — первой половиной 6 тыс. cal BC; слой 8 — первой половиной 5 тыс. cal BC (Манько 2006: 15, 16).

Для неолитических памятников сурской, азово-днепровской, тубинской, донецкой и днепро-донецкой культур, в инвентаре которых присутствует керамика с самчинской орнаментацией, на данный момент опубликованы лишь даты, сделанные в Киевской лаборатории в течение последних 11 лет. Так, по 5 образцам костей слой сурской культуры поселения Сэмэнивка 1, расположенного в Северо-Западном Приазовье, был датирован концом 7 — началом 6 тыс. cal BC (Котова, Ковалюх 2002: 96). Для образца органической примеси в формовочной массе сурской керамики надпорожского поселения Стрильча Скэля была получена одна дата второй четверти 6 тыс. cal BC (Манько 2006: 15). Аналогичная дата второй четверти 6 тыс. cal BC была получена и для образца кости из другого сурского поселения Надпорожья — Кизлэвый Острив V (Котова, Ковалюх 2002: 96). Три даты первой половины — середины 6 тыс. cal BC были получены для образцов органической примеси в формовочной массе керамических сосудов поселения тубинской культуры Старобильськ, исследованного на р. Айдар в бассейне Северского Донца (Манько 2006: 16). Для расположенных в этом же регионе памятников донецкой культуры Зэлэна Горньця 5 и Зэлэна Горньця 6 по образцам органической примеси в формовочной массе их керамики получены 2 даты второй и третьей четверти 6 тыс. cal BC (Манько 2006: 15). Пять дат были сделаны по образцам органической примеси в раннеолитической керамике днепро-донецких памятников Киево-Житомирского Полесья, в инвентаре которых зафиксирована посуда с самчинской орнаментацией. В частности, одна дата Лазаривки относится к первой половине 6 тыс. cal BC, одна дата Гырла Гнылопяти — к третьей четверти 6 тыс. cal BC (Манько 2006: 16,

17), а три даты Ходосивки — ко всему 6 тыс. cal BC (Готун та ін. 2007: 104).

Сейчас сопоставление календарного возраста неолитических памятников различных частей ареала самчинского стиля орнаментации возможно лишь с использованием «новых» дат Киевской лаборатории. Несмотря на упомянутые критические высказывания касательно их абсолютных значений, использование этих дат для выяснения относительной хронологии, на взгляд автора, является вполне допустимым.

Таким образом, исходя из «новых» дат Киевской лаборатории, керамика с самчинскими элементами орнаментации существовала в Северном Причерноморье, по крайней мере, с начала второй половины 7 тыс. cal BC до конца 6 тыс. cal BC. При этом самые ранние даты, полный интервал которых для базовой вероятности 68,2% полностью лежит в 7 тыс. cal BC, были получены для памятника Гиржевэ. Аналогичные интервалы дат Сэмэнивки 1 и слоев 13, 12 Ракушечного Яра частично захватывают 7 тыс. cal BC. Обращает внимание расположение всех трех памятников в степной зоне (рис. 12), что может свидетельствовать о более раннем появлении самчинских орнаментальных традиций на юге, а не на севере их ареала.

## 5. Происхождение керамики самчинского типа

Автор выделения керамики самчинского типа — В. Н. Даниленко — объяснял её появление в Побужье проникновением с севера части населения днепро-донецкой культуры, «которое проживало до этого, скорее всего, в припятской части днепровского бассейна» (Даниленко 1962: 24; 1969: 153, 156; 1985: 123). Эта гипотеза была широко поддержана украинскими и зарубежными археологами (Телегин 1968: 170, 191, 230; Маркевич 1974: 134; Comşa 1971: 383; Tringham 1971: 101, 102; Титова 1990: 30; Ursulescu 2000: 211; Черньш 1996: 25; Ларина 2006: 50, 51).

Как было упомянуто, керамика с характерными самчинскими чертами действительно была обнаружена на ряде неолитических памятников, расположенных на правых притоках нижнего течения Припяти и правых притоках Днепра, впадающих в него между Киевом и устьем Припяти. Самым ярким из них на момент написания монографии «Неолит Украины» был пункт Гырло Гнылопяти. Именно его В. Н. Даниленко принял за один из эталонных при выделении группы днепро-донецких памятников «типа

№2. 2010

Гирло Гнилопяти — Бондариха», набор глиняной посуды которых «почти не отличим от самчинского». Появление этих памятников он объяснил «экспансией северо-восточных палеоевропейских племен» с территории, ограничивающейся на западе левобережьем верхнего Днепра, на севере — Валдайской возвышенностью, на юге — Деснянским бассейном (Даниленко 1969: 36, 191).

Сейчас территория, очерченная В. Н. Даниленко, рассматривается как часть ареалов верхнеднепровской и верхневолжской культур. По данным А. Г. Калечиц, инвентарь ранне-неолитических памятников верхнеднепровской культуры Мишурова Грива, Федоткина Грива, Титов Бугор характеризуется остродонной толстостенной «рыхлой» керамикой со значительной примесью растительности или грубозернистого песка. Её орнамент состоит из отпечатков широкозубого гребенчатого штампа, ямочных вдавлений, покрывающих всю поверхность сосуда, реже — прочерченной «сетки» и точечных наколов, ямок под краем венчика, при наличии совершенно не орнаментированных сосудов (Калечиц 1987: 44, 46, 89, 101, 102). На поздне-неолитической керамике региона спорадически фиксируется такая самчинская черта, как орнаментирование внутреннего края венчика (Калечиц 1987: 102—113). Но в тексте своей монографии исследовательница вообще не упоминает отступающие гребенчатые отпечатки и линии, нанесенные зубчатым штампом, присущие материалам самчинских памятников БДК и ранних днепро-донецких памятников Киево-Житомирского Полесья.

Приведенная гипотеза В. Н. Даниленко не подтверждается и данными радиоуглеродного датирования. Согласно последним, буго-днепровские памятники с керамикой самчинского типа древнее днепро-донецких с аналогичными материалами. В свою очередь, 3 «новые» киевские даты для двух образцов угля и одного образца керамики с органической примесью верхнеднепровского памятника Плютовцы I, исследованного В. А. Манько неподалеку от г. Чернобыль Киевской обл., относятся к последней четверти 6 — первой четверти 5 тыс. cal BC (Манько, Сапожников 2007: 238). Самые ранние даты памятников верхневолжской культуры, расположенных дальше на северо-восток, демонстрируют лишь незначительно более древний возраст. Например, дата, сделанная по образцу кости в радиоуглеродной лаборатории Института геологии РАН, относит существование ранне-неолитического слоя верхневолжской стоянки Замостье 2, в инвентаре

которого присутствует керамика, украшенная отпечатками гребенчатого штампа, ко времени не ранее последней четверти 6 тыс. cal BC (Лозовский 2003: 220, 237). Таким образом, и «старые», и «новые» даты памятников с посудой с гребенчатым орнаментом на территории, которую В. Н. Даниленко считал местом формирования традиции гребенчатой орнаментации керамики, оказались моложе дат памятников с керамикой самчинского типа БДК.

Итак, самчинские черты орнаментации посуды днепро-донецкой культуры имели другое, несевверное происхождение. Первой их источник назвала Н. С. Котова, допустившая распространение самчинской керамики в обратном направлении — из Побужья на север (Котова 1994: 78). Такой подход на сегодняшний день является лучше аргументированным и чаще поддерживается в современных исследованиях (Гаскевич 2001: 44; Залізняк, Манько 2004: 146—148; Залізняк 2005: 148). С другой стороны, он вновь делает актуальным вопрос о происхождении самчинской посуды в ареале самой БДК.

Обращает внимание, что все исследователи БДК отмечают частое присутствие примеси графита в формовочных массах сосудов с самчинской орнаментацией всех частей её ареала (Даниленко 1969: 66, 118, 120; Маркевич 1974: 56; Ларина 2006: 38; Товкайло, 2005: 31). Примесь графита также встречается в посуде днепро-донецкой (Успэнка, Бузькы) (Телегин, Титова 1998: 83, 108) и сурской (Вовчок, Собачкы, Стрильча Скэля) культуры (Даниленко 1969: 47; Котова, Тубольцев 1992: 8, 10). На территории Украины разведанные месторождения графита сконцентрированы в побужском, бердичевском, криворожском и приазовском районах Украинского кристаллического щита (рис. 12). За исключением Буртынського месторождения в Шепэтивском и Полонском районах Хмельницкой обл., остальные находятся в степном Приазовье (Троицькэ месторождение в Бердянском районе Запорожской обл. и Старокрымськэ месторождение возле г. Мариуполь Донецкой обл.), а также на границе степи и лесостепи непосредственно на Южном Буге (Завалливськэ месторождение в Гайворонском районе Кировоградской обл.), или между Южным Бугом и Днестром (Петривсько-Балахивськэ месторождение в Петривськом районе Кировоградской обл.). Следовательно, независимо от места обнаружения соответствующих самчинских сосудов, следует признать их связь с Северным Причерноморьем, поскольку только тут,

а не севернее, можно встретить глину с природной примесью графита.

О распространении самчинского стиля орнаментации с юга, а не севера, опосредованно свидетельствует характер кремневого инвентаря буго-днестровских памятников с находками керамики самчинского типа. Набор кремневых изделий пяти ранее названных «чистых» самчинских памятников Побужья (рис. 1: 10—13, 15; 5: 4—10; 8; 10), а также Гиржевэ, характеризует пластинчатая техника, направленная на получение пластин средней ширины, сколотых с отжимных одноплощадочных односторонних нуклеусов. Среди микролитов преобладают симметричные и асимметричные трапеции, иногда с дорсальным подтесыванием, попадают параллелограммы. В коллекциях почти полностью отсутствуют резцы (Станко 1967; Гаскевич 2005: 29—32; 2008б). Подобный набор изделий составляет основу инвентаря ряда финальномезолитических и неолитических памятников степной и юга лесостепной зоны между р. Быстрица на западе и р. Дон на востоке.<sup>6</sup> Позднее этот набор постепенно распространился на север, сменяя на новых территориях кукрекскую индустрию буго-днестровских памятников печерского типа, ранних днепро-донецких и ранних сурских стоянок, а также родственную с кукрекской донецкую индустрию памятников типа Клешня (Гаскевич 2003). Таким образом, стабильное сочетание буго-днестровской керамики самчинского типа с этим кремневым набором южного происхождения может опосредованно свидетельствовать и о ее южных степных истоках.

Распространение самчинского стиля орнаментации в ареал БДК из степной зоны, на первый взгляд, отвечает гипотезе Н. С. Котовой о возможной связи между появлением керамики самчинского типа и расселением носителей первого периода нижнедонской культуры из степей Нижнего Дона и Восточного Приазовья «на запад до Днепра, и проникновением отдельных их групп в бассейн Южного Буга» (Котова 1994: 53, 54, 77). Если эта гипотеза Н. С. Котовой является верной, решение проблемы происхождения самчинских орнаментальных традиций невозможно без выяснения генезиса самой нижнедонской культуры.

Нижнедонская археологическая культура была выделена А. Т. Синюком и позднее включена И. Б. Васильевым в мариупольскую культурно-историческую область. Наиболее детально вопросы её распространения, типологии инвентаря, погребального обряда, периодизации и хронологии рассмотрела Н. С. Котова (Котова 1994: 10—18). Однако не все исследователи согласны с выделением этой культуры. Так, Т. Д. Белановская и Д. Я. Телегин относят её памятники к позднему периоду ракушечноярской культуры (Белановская 1983; Телегин 1988: 47—48). В последнее время эту точку зрения отстаивает В. В. Цыбрий (2005: 13).

Сейчас вопрос генезиса нижнедонской культуры является одним из наименее разработанных в публикациях сторонников её выделения. Как единую существующую относительно этого гипотезу Н. С. Котова называет возможную миграцию раннеолитического населения Зауралья в лесостепное Поволжье и далее на юго-восток в Северное Приазовье, где оно «частично вытеснило, частично ассимилировало местное ракушечноярское население» (Котова 1994: 55; Kotova 1998: 181—183). Напомним, что ранее сходное предположение высказал В. Н. Даниленко, отметивший подобие керамики нео-энеолитических памятников Восточного Приазовья, бассейна Камы, Башкирии и Южного Урала (Даниленко 1974: 39).

Как общие черты неолитических материалов Подонья и Зауралья Н. С. Котова называет использование орнамента, нанесенного гребенчатым штампом (в т. ч. «шагающие» и протянутые отпечатки, волнистые линии, проглаженные штампом), орнаментацию внутреннего края венчиков, оформленного косым срезом всередину (Kotova 1998: 182). Эти черты отдельно и в разных сочетаниях в большей или меньшей мере присутствуют на посуде неолитических памятников Среднего и Северного Зауралья с гребенчатой и прочерчено-накольчатой керамикой, которые разными исследователями относятся к быстринской и козловской культурам, памятникам сосновоостровского, барсовогорского, полуденковского, сумпаньинского, этговского, амнинского и чилимковского типов.

Для неолита Среднего и Северного Зауралья в последние десятилетия были получены значительные серии радиоуглеродных дат. Большинство из них, сделанные преимущественно по образцам древесного угля в Санкт-Петербургской радиоуглеродной лаборатории, уже неоднократно были опубликованы (Тимофеев и др. 2004: 47—48). Другие

<sup>6</sup> Бэняса, Брэдешти, Бэлэбэнешти, Берешти-Дялул Таберей, Саратены, Лазо V, Карпово, Барабой, Сорока II, сл. 2 и 3, Сорока I, сл. 2, Цыбулинка, Довжанка, Олэнивка, Познанка, Казанка, Сэргийивка II, Ишуньска, Мартынивка, Олэксийивка I, Игрэнь — ур. Городок, Сэмэнивка 1, Сэмэнивка 2, Камяна Могыла III, Прылукивка, Матвеев Курган и др.

№2. 2010

серии, полученные в Киевской радиоуглеродной лаборатории в самое последнее время по образцам органической примеси в формовочной массе неолитической керамики, опубликованы лишь предварительно (Чаиркина 2009; Шорин 2009). Чтобы далее корректно сопоставить их со «старыми» и «новыми» датами БДК, киевские даты зауральского неолита будут рассмотрены отдельно от санкт-петербургских.

Несмотря на некоторую дискуссионность (Косинская 2004), хронологические рамки отдельных культурных образований «старые» даты определяют следующим образом. Памятники амнинского типа датируются первой половиной 6 тыс. cal BC, быстринская культура — серединой 6 тыс. cal BC — второй половиной 5 тыс. cal BC, памятники эттовского и сумпаньинского типов — от начала 6 тыс. cal BC по середину 5 тыс. cal BC (Косинская 2004; Косинская и др. 2006: 57—67). В целом нижняя хронологическая граница этих серий совпадает с нижней хронологической границей «старых» дат неолитических памятников с керамикой самчинского типа (Гиржевэ).

Несколько «новых» киевских дат, сделанных для посуды поселений Кокшаровский Холм и Нижнее Озеро III, относят существование сумпаньинской керамики к середине второй половины 6 тыс. cal BC (Чаиркина 2009: 180, 181), а козловской и полуденковской — к последней четверти 6 — первой четверти 5 тыс. cal BC (Шорин 2009: 177). Сравнение этих определений с «новыми» датами БДК свидетельствует о значительно более молодом возрасте гребенчатой керамики Северного Зауралья и Западной Сибири относительно керамики с самчинской орнаментацией Северного Причерноморья. Таким образом, решение вопроса о возможном зауральском происхождении самчинской орнаментации при использовании «новых» киевских дат однозначно решается негативно.

В Среднем Поволжье, которое Н. С. Котова считает транзитной территорией в процессе распространения гребенчатой керамики с востока на запад, соответствующая посуда впервые появляется на лесостепных памятниках средневожской неолитической культуры. Её происхождение А. А. Выборнов связывает с влиянием неолита лесного Прикамья, куда она, в свою очередь, распространилась из ареала сумпаньинских памятников Зауралья (Выборнов 1992: 41; 2000: 182). Исходя из данных большой серии «новых» радиоуглеродных дат Киевской лаборатории, сделанных для образцов органической примеси в формовочных массах неолитической посуды разных частей

Поволжья, зубчато-гребенчатая орнаментация как в лесном Волго-Камье, так и в лесостепном Зауралье появляется лишь с середины 5 тыс. cal BC. На юге она используется до середины 4 тыс. cal BC, а на севере — до конца 4 тыс. cal BC (Выборнов 2008; Выборнов и др. 2008; 2009). Сравнение этих результатов с «новыми» киевскими датами БДК свидетельствует, что на юге Украины гребенчатая керамика появилась приблизительно на два тысячелетия раньше, чем в бассейне Волги.

Итак, на сегодняшний день довольно уверенно можно констатировать более ранний возраст неолитических памятников с зубчато-гребенчатой орнаментацией керамики в Зауралье и Северном Причерноморье и отсутствие настолько древней посуды с аналогичным орнаментом на территории расположенного между ними Поволжья. Это позволяет говорить о независимом от северо-восточных влияний формировании нижнедонских орнаментальных традиций и, следовательно, об ошибочности соответствующей гипотезы Н. С. Котовой.

Учитывая спорность аргументов в пользу северного или северо-восточного происхождения северно-причерноморской керамики с зубчато-гребенчатым орнаментом, проблема её генезиса вновь остается нерешенной. Очевидно, выход из сложившейся ситуации требует использования новых подходов. Один из них, предложенный автором этой статьи, — поиск истоков традиции зубчато-гребенчатой орнаментации керамики на западе и юге.<sup>7</sup> Тут посуду, украшенную отпечатками зубчатых штампов, изготавливало неолитическое население, известное по памятникам нескольких локальных археологических культур, объединяемых археологами в круг керамики кардиум/импрессио (Cardial/Impresso Ware).

## 6. Керамика импрессио в неолите Причерноморья

Свое название керамика импрессио получила из-за способа нанесения орнамента — штампования. При этом штампы могут быть самыми разнообразными — ноготь или конец пальца, природный орнаментир, или специально изготовленный зубчатый

<sup>7</sup> Взгляды, изложенные в этой статье, автор впервые представил в докладе «Керамика "самчинского" типа и проблема происхождения гребенчатого орнамента в неолите территории Украины», прочитанном в рамках международной научной конференции «С. Н. Бибиков и первобытная археология» (Киев, 4—7 ноября 2008 г.).

штамп. Неолитическое население морских побережий часто наносило отпечатки створкой ракушки морского моллюска рода *Cardium* (*Cerastoderma*), съедобный вид которого *Cardium edule* распространен во всех морях, омывающих Европу. Из-за этого соответствующий орнамент получил название «кардиумного». Иногда название «кардиум» (или по-французски «кардьяль») неоправданно используют применительно ко всей керамике со штампованным орнаментом.

Смыслом выделения такого явления, как керамика импрессио, было её противопоставление посуде, украшенной расписным орнаментом, прочерченными линиями, барботином, или посуде с залощенной неорнаментированной поверхностью. Из-за настолько общего основного характеризующего признака ареал культур импрессио необычайно велик. Он охватывает практически все побережье и острова Средиземноморья, а также часть внутренних районов Передней Азии, Северной Африки и Западной Европы. В черноморском регионе к кругу культур с керамикой Импрессио сейчас принято относить лишь культуру Хаманджия.

### 6.1. Западное Причерноморье

Памятники культуры Хаманджия — единственной в Причерноморье, чье отнесение к культурному кругу керамики импрессио является общепризнанным, находятся в Нижнем Подунавье, на юго-востоке Румынии и северо-востоке Болгарии. Их керамика представлена грубой «кухонной» и качественной «столовой» посудой. Последняя характеризуется разнообразием форм, тщательным лощением поверхности, использованием преимущественно накольчатого орнамента, реже — каннелюров и прочерченных линий, на ранних памятниках — кардиумных отпечатков. Особое внимание привлекает частое добавление в её формовочную массу графита. Носители культуры изготавливали глиняные и мраморные антропоморфные статуэтки, украшения из мрамора, меди и морских раковин, шлифованные каменные рубящие орудия. Кремневый инвентарь крупный пластинчатый. В нем присутствуют геометрические микролиты — трапеции. Определенной спецификой Хаманджии является наличие грунтовых могильников, что отличает её от соседних раннеземледельческих культур, носители которых хоронили умерших на поселениях. Погребенные лежат скорченно на боку или вытянуто на спине и сопровождаются керамической посудой, топорами, украшениями. Среди них были определены пред-

ставители разных антропологических типов, в том числе протоевропеоидного и атланти-средиземноморского. В хозяйстве носителей культуры первоначально преобладали при-сваивающие, а потом — производящие отрасли. Значительную роль играл морской промысел, о чем свидетельствуют кости морских рыб и дельфинов (Berciu 1966; Tringham 1971: 150—155).

Как считал Д. Берчу, носители культуры были потомками переселенцев из Передней Азии, морским путем добравшихся до устья Дуная и расселившихся вдоль его нижнего течения. Исходя из аналогий в форме и орнаментации посуды культуры линейно-ленточной керамики и раннего периода Хаманджии (Berciu 1966: 291—294), последний может датироваться второй половиной 6 тыс. cal BC. Дата по образцу кости из поселения Кейя (Cheia) (UB-7276: 6020±43 BP) относит фазу Хаманджия III к первой четверти 5 тыс. cal BC, а две даты эпонимного поселения (Gm-1986: 5830±70 BP) и могильника (Hv-12759: 5840±200 BP) относят фазу Хаманджия IV ко второй четверти 5 тыс. cal BC (Voinea, Neagu 2006: 151; 2008: 16).

### 6.2. Северное Причерноморье

По формальным признакам керамикой импрессио является и вся неолитическая керамика Северного Причерноморья с гребенчатым и накольчатым орнаментом. Однако автору неизвестны публикации, в которых соответствующие археологические материалы рассматривались бы в контексте остальных культур круга импрессио. Исключение составляют несколько незначительных по объему сюжетов в монографиях Д. Берчу и В. Н. Даниленко.

Так, Д. Берчу допустил существование на территории Северного Причерноморья горизонта памятников с кардиумной керамикой. Основанием для этого послужили некоторые, к сожалению, не названные им аналогии между материалами неолита Южного Буга, с одной стороны, и культуры Хаманджия — с другой. Возможные истоки этого горизонта памятников исследователь увидел в «культурном импульсе», который мог распространиться с территории Месопотамии и Ирана на север через юго-восточный берег Черного моря (Berciu 1966: 291—292).

В свою очередь, В. Н. Даниленко отметил определенное сходство самчинской керамики БДК и керамики импрессио Балкан и Восточной Адриатики. Но, исходя из своей концепции относительно северо-восточного

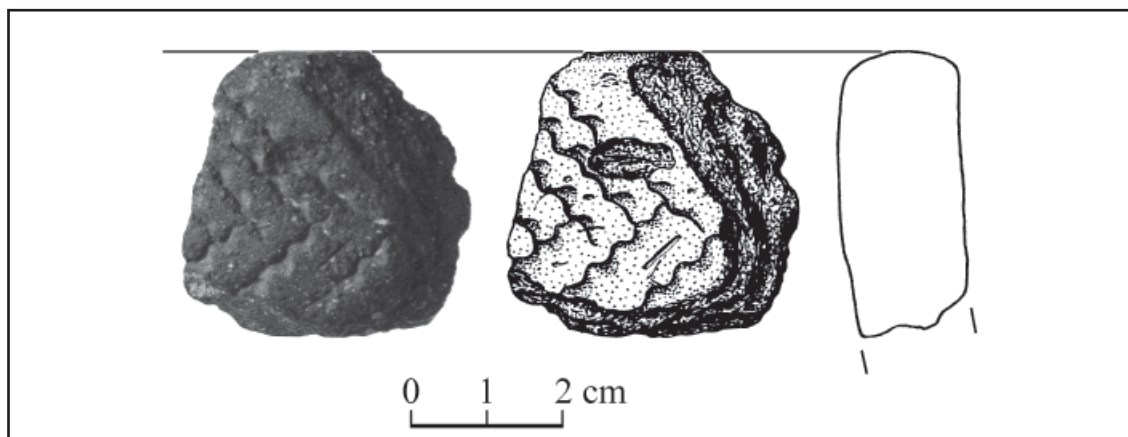


Рис. 13. Саврань. Фрагмент сосуда с кардиумным орнаментом.

происхождения самчинских традиций, появление гребенчатого орнамента на керамике памятников Отзаки-Магула, Сербия, Црвена Стена и Зелена Печина он объяснил наличием «элементов культуры восточноевропейского (днепро-днепровского) происхождения» и даже «инфильтрацией» населения днепродонецкой культуры. Последней он обосновал и вытянутую на спине позу погребенных в могильниках культуры Хаманджия (Даниленко 1969: 203—204, 213, 217).

С другой стороны, на буго-днепровском памятнике Саврань, находящемся на юге лесостепного Побужья, В. Н. Даниленко обнаружил обломок орнаментированного венчика неолитического сосуда, единственным известным ему аналогом которого он назвал керамику «с так называемым кардиумным орнаментом из Адриатики» (Даниленко 1969: 132). Сейчас эта находка хранится в Институте археологии НАН Украины (коллекция № 319, инв. № 87). Это обломок прямого вертикального венчика толщиной 1,4 см с чуть закругленным срезом. Внешняя и внутренняя поверхности хорошо заглажены, внешняя — подлощена. Снаружи цвет черный, изнутри — темно-бурый, слом черный. Керамическая масса слоистая, содержит незначительную примесь мелкого песка и тонких органических волокон, а также большое количество отдельных створок и целых раковин мелких (менее 1 мм) ракушковых рачков *Cyprideis torosa littoralis* (Brady, 1864),<sup>8</sup> из-за которых черепок выглядит пористым. Снаружи по краю венчика нанесен орнамент в виде горизонтальной «елочки» из двух рядов разнонаправленных диагонально поставленных отпечатков волни-

стого края створки раковины моллюска рода *Cardium* (рис. 13).

На сегодняшний день другие случаи выявления кардиумного орнамента в керамических материалах БДК Побужья не описаны. Более того, автору данной статьи пока не известны и буго-днепровские сосуды, изготовленные из такой же керамической массы. Её специфику определяет примесь песка, перенасыщенного ракушками остракод *Cyprideis torosa littoralis* (Brady, 1864). Последние живут в водах широкого диапазона солености от почти пресной до гиперсоленой, но в наибольшем количестве встречаются в слабосоленой воде с содержанием соли от 2‰ до 16‰. Эти рачки предпочитают спокойные воды внутренних озер, а также лагун, устьев рек, фьордов, дельт и других маргинальных морских сред глубиной до 30 м с илистым и песчано-илистым дном. География их распространения чрезвычайно широка: все побережья Европы, средиземноморские берега Ближнего Востока и Северной Африки, озера Центральной Африки, Каспийское и Аральское море (Athensuch et al. 1989: 114; Opreanu 2003: 74).

Таким образом, сосуд с кардиумным орнаментом из Саврани был сделан неподалеку от морского побережья Средиземного или, что более вероятно, Черного моря. В обоих случаях эта уникальная находка свидетельствует или о проживании в Северном Причерноморье носителей традиции кардиумной орнаментации керамической посуды, или, в крайнем случае, об их контактах с жителями этого региона. К сожалению, условия обнаружения находки не позволяют четко определить ее возраст.

Памятник Саврань находится на правом берегу Южного Буга, в пределах г. Саврань Савраньского района Одесской области. В 1949 и 1955 гг. В. Н. Даниленко исследовал тут несколько скоплений разновременных материалов, в частности, энеолитических —

<sup>8</sup> Определение старшего научного сотрудника Института геологии НАН Украины, к. г. н. В. А. Присяжнюка.

Триполье А и Триполье С I, неолитических — два скопления с керамикой самчинского типа и два скопления материалов савранского типа («жилища» № 1 и № 2), и мезолитических (Даниленко 1957: 43—49; 1969: 125—134). По двум образцам кости в Киевской радиоуглеродной лаборатории были получены две «новые» даты, соответствующие середине первой половины 6 тыс. cal BC. Один образец был отобран из савранского «жилища» № 2, а место отбора другого в публикации не указано (Котова, Ковалюх 2002: 104).

Обломок венчика с кардиумным орнаментом был обнаружен на крайней западной границе памятника, на 60 м западнее от ближайшего скопления керамики самчинского типа и более чем за 100 м от ближайшего скопления посуды савранского типа. В этом месте на поверхности разрушенного глинищем участка надпоймы, вокруг большой глыбы гранита и в заложенном тут раскопе IV площадью 24 кв. м, кроме упомянутого фрагмента, были найдены кости животных, раковины *Unio*, обломок обычной буго-днестровской керамики савранского типа и около десяти кремневых изделий, среди которых обращают на себя внимание вкладыш кукрекского типа и треугольный наконечник дротика, обработанный с обеих сторон плоской отжимной ретушью (Даниленко 1955). Исходя из характера находок и их залегания на поверхности и в слое супеси до глубины 0,3 м, можно допустить, что данный раскоп раскрыл переотложенные материалы мезолитического, неолитического и энеолитического времени (Гаскевич 2005: 34), датирующиеся в широком диапазоне 7—5 тыс. cal BC. Итак, место и контекст обнаружения описанного обломка венчика не позволяют однозначно связать его с определенными кремневыми и керамическими находками, а также имеющимися радиоуглеродными датами памятника.

### 7. Северо-понтийское импрессио: *pro et contra*

Как свидетельствуют приведенные археологические данные, носители традиций изготовления керамики импрессио в 6—5 тыс. cal BC проживали в непосредственной близости к Северному Причерноморью (культура Хаманджия) и контактировали с населением лесостепного Побужья (сосуд с кардиумным орнаментом из Саврани). Но для подтверждения гипотезы о средиземноморском происхождении всей севернопричерноморской неолитической керамики с гребенчатой орнаментацией этого явно недостаточно.

На взгляд автора этой статьи, чтобы данная гипотеза приобрела право на существование, следует получить ответы на ряд взаимосвязанных вопросов:

— есть ли в неолите Средиземноморья керамика, характеристики и время существования которой позволяют рассматривать ее как прототип раннеолитической гребенчатой керамики Северного Причерноморья?

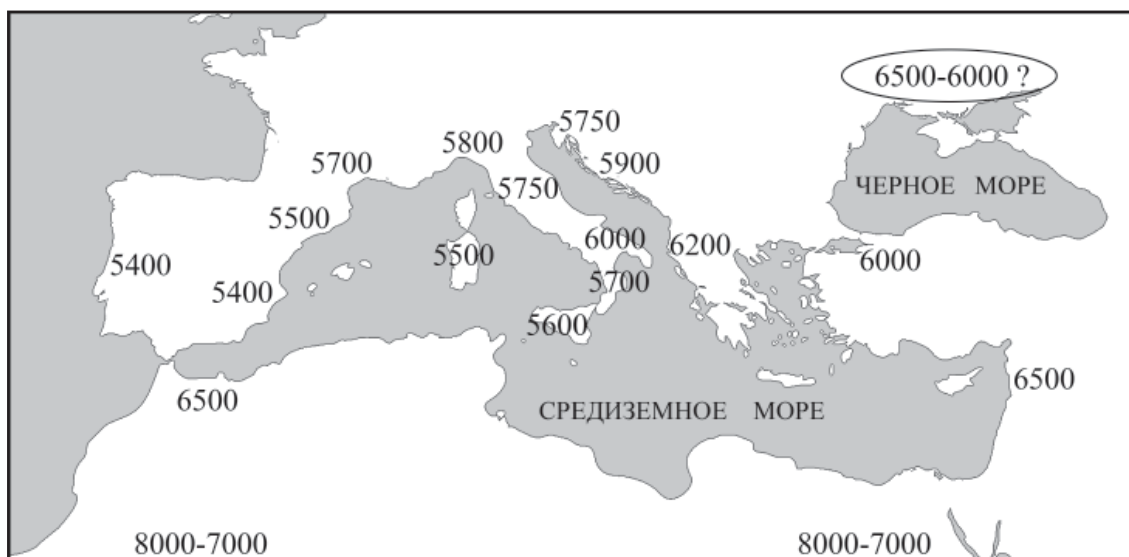
— существовала ли физическая возможность попадания в Северное Причерноморье средиземноморских мигрантов с керамикой импрессио во время, когда тут появляется первая гребенчатая керамика?

— существуют ли свидетельства пребывания в Северном Причерноморье средиземноморских мигрантов во время, когда тут появляется первая керамика с зубчато-гребенчатым орнаментом?

#### 7.1. Прототипы керамики самчинского типа в Средиземноморье

Прототипом гребенчатой керамики Северного Причерноморья может выступать посуда, имеющая схожие стилистические особенности орнаментации и имеющая возраст не меньший, чем у древнейших образцов самчинской керамики. Напомним, что согласно «старым» датам последняя датируется временем не ранее рубежа 7 и 6 тыс. cal BC, а исходя из «новых» — начиная приблизительно с середины 7 тыс. cal BC. В различных источниках авторы указывают разные даты первого появления керамики импрессио на той или иной территории Средиземноморья. Картографирование этих данных свидетельствует, что керамика импрессио, отвечающая критерию «старой» хронологии БДК, известна в Северной Африке, на Ближнем Востоке, на берегах и островах Адриатики, а отвечающая критерию «новой» хронологии — лишь в Северной Африке и на Ближнем Востоке (рис. 14).

Из перечисленных регионов географически самым близким к ареалу самчинской керамики является восточное побережье Адриатики. В материалах восточноадриатической культуры импрессио наибольшее сходство с гребенчатой посудой Северного Причерноморья демонстрируют материалы памятников типа Медулин, расположенных на полуострове Истрия, что на севере Хорватии. Она изготовлена из глины со значительной примесью кварцевого песка и орнаментирована отпечатками необработанного края створок раковин морских и речных моллюсков, гребенчатого или двузубого штампов, а также линиями, на-



**Рис. 14.** Приблизительное время появления керамики импрессио в Большом Средиземноморье (гг. cal BC) (по данным Balossi, Frangipane 2002; Daugas et al. 2008; Forenbaheer, Miracle 2004; Mohammed-Ali, Khabir 2003; Robb 2007; Zilhão 2001).

несенными этими штампами. Отдельно поставленные и «шагающие» отпечатки часто группируются в горизонтальные ряды, нередко чередующиеся с прочерченными линиями. Иногда линии образуют треугольники, в т. ч. заштрихованные (Bačić 1969; Müller 1991: 324—325). Однако по двум радиоуглеродным датам памятника Вижула, группа Медулин датируется в широком диапазоне 5900—5000 cal BC (Müller 1991: 354), хотя в публикациях чаще встречается лишь одна дата HD-12093: 6850±180 BP (5970—5560 cal BC) (Biagi et al. 2005: 45). Таким образом, адриатические параллели самчинской керамики относятся ко времени более позднему или синхронному её появлению в Причерноморье («старая» дата Гиржевэ). Соответственно, восточноадриатическая керамика импрессио не могла выступать прототипом керамики самчинского типа, и схожесть ряда их характеристик следует объяснять не прямым заимствованием, а лишь возможностью их общего происхождения.

Относительно генезиса восточноадриатического импрессио, как и всего круга памятников с керамикой импрессио, на данный момент единой точки зрения не существует. Чаще всего его происхождение связывают с прибрежными районами Восточного Средиземноморья, где керамика, украшенная штампованным орнаментом, в т. ч. отпечатками двузубого и гребенчатого штампа, датируется второй половиной 7 — началом 6 тыс. cal BC (Balossi, Frangipane 2002: 12, 13). Однако незначительная роль такой посуды в керамических

коллекциях ближневосточных памятников в последнее время заставляет некоторых исследователей сомневаться в её распространении на север и запад именно из Леванта. Вместо этого как возможное место зарождения керамики импрессио они называют территории Греческой Фракии или юго-восточное побережье Адриатики (Balossi, Frangipane 2002: 7, 11, 15; Benvenuti, Metallinou 2002: 17—23). В пользу местного происхождения керамики восточноадриатического Импрессио, по мнению Йоханеса Мюллера, свидетельствует и отсутствие подобных материалов на островах, лежащих между Сиро-Киликией и Адриатикой (Müller 1991: 353).

Обращает на себя внимание, что в исследованиях, посвященных происхождению керамики импрессио, мало внимания уделяется Северной Африке. Здесь, на территории современных Мали и Нигерии, на юге Сахары, первая керамическая посуда появляется уже в 10 тыс. cal BC — задолго до её появления на Ближнем Востоке (Le Quellec 2006: 174, 175; Ozainne et al. 2009: 39, 41; Huysecom et al. 2009).

Приблизительно в 8500 г. cal BC плейстоценовые гипераридные условия Южной Сахары достаточно резко сменились более влажными, обусловленными обильными летними муссонами. Вследствие этого здесь установился полувлажный климат, а в центре Сахары — полусухой. В регионе сформировались озера и временные реки. Присущая саваннам растительность распространилась более чем на 800 км к северу от ее современ-

ной границы (Kuper, Kröpelin 2006: 803—807). На эту территорию с юга переселились племена, хозяйство которых базировалось на добычании водных млекопитающих и рыбной ловле. Вместе с ними в 9—8 тыс. cal BC по всей Сахаре от Сенегала на западе до Красного моря на востоке распространилась и керамическая посуда, которая характеризует явление, известное под названиями «неолит суданской традиции», «сахаро-суданский комплекс», «хартумский мезолит» и «хартумский неолит». Эта посуда характеризуется керамической массой со значительной минеральной примесью; хорошо залощенными поверхностями; цилиндрической, шаровидной или конической формами корпуса сосудов; округлыми, плоскими и, реже, шиповидными доньшками; «волнисто-линейным» (wavy line) и «пунктирно-волнистым» (dotted wavy line) орнаментом. При нанесении этого орнамента волнистые или угловатые (зигзаг) линии чаще всего проглаживались или оттискивались гребенчатыми штампами или краем раковины. Иногда такие линии сочетались с обычными, протянутыми и «шагающими» отпечатками зубчатого штампа, прямыми прочерченными линиями. Реже встречаются ряды разреженных наколов (Caneva 1987; Mohammed-Ali, Khabir 2003; Fernández et al. 2003: 290—305).

Археологически установлено, что на поселениях долины Нила носители «неолита суданской традиции» уже в 7 тыс. cal BC разводили крупный и мелкий рогатый скот, выращивали пшеницу и ячмень. При этом некоторые исследователи не исключают, что навыки разведения крупного рогатого скота, который имеет на континенте местные дикие формы, были знакомы африканцам еще начиная с 9 тыс. cal BC. Остальные домашние животные и растения попали сюда с Ближнего Востока (Marshall, Hildebrand 2002: 109—111, 122; Le Quellec 2006: 181; Kuper, Kröpelin 2006: 805). О тесных контактах с населением Передней Азии свидетельствует и появление в регионе образцов глиняной пластики, присущих ближневосточному докерамическому неолиту фазы В и С (PPNV и PPNC) (Pardo Mata 2004). Обратным эффектом этих контактов могло стать появление на Ближнем Востоке во второй половине 7 — начале 6 тыс. cal BC известных по находкам в Фаюме специфичных типов наконечников стрел, ножей, оббитых топоров с пришлифованным лезвием (Smith 1992: 128) и, возможно, немногочисленной керамики импрессо.

В середине 6 тыс. cal BC количество осадков в Северной Африке стало резко сокра-

щаться, что сопровождалось продвижением пустыни на юг. Окончательное установление современной границы Сахары приходится приблизительно на 5300 г. cal BC (Kuper, Kröpelin 2006: 803—807). Прогрессирующее изменение климата вызвало активное переселение неолитических обитателей Сахары на другие территории, а также привело к концентрации населения в долине и дельте Нила, а также отдельных оазисах, где традиции «хартумского неолита» сохранялись еще почти тысячу лет.

Таким образом, наиболее ранняя керамика с зубчато-гребенчатым орнаментом, в т. ч. нанесенным способами, близкими к зафиксированным в раннем неолите Причерноморья, уже в 9—8 тыс. cal BC существовала на севере Африканского континента. Именно оттуда в середине 7 тыс. cal BC она могла распространиться на Ближний Восток, а в конце 7 тыс. cal BC — в Северное Причерноморье («старая» хронология БДК). Если же верной является «новая» хронология буго-днестровского неолита, распространение традиций керамики импрессо на Ближний Восток и в Северное Причерноморье произошло практически синхронно в середине 7 тыс. cal BC.

## **7.2. Способы и средства распространения керамики импрессо**

В данной работе автор исходит из того, что в неолите распространение определенных новаций, в т. ч. традиций керамического производства в целом и орнаментации посуды в частности, было невозможно без перемещения какой-то части населения, являющегося носителем этих традиций. При этом способы такого перемещения, а также дистанции, на которые оно осуществлялось, могли значительно отличаться в зависимости от конкретных исторических и географических условий.

Обычно распространение неолитических новаций принято связывать с т. н. «волной прогресса» (wave of advance), вызванной действием демографического давления, возникшего в оседлых земледельческих общинах и приводившего к сельскохозяйственному освоению соседних земель избыточным населением. Такая модель неолитизации (demic diffusion) имеет вид медленного постепенного увеличения ареала, происходящего с довольно низкой скоростью, которая, по оценкам Альберта Дж. Аммермана и Луиджи Л. Кавалли-Сфорца, составляет в среднем 1 км в год и не должна превышать 2 км в год (Ammerman, Cavalli-Sforza 1984).

№2. 2010

Другой формой «волны прогресса» могла быть целенаправленная колонизация определенной территории, или «скачкообразная колонизация» (leapfrog colonisation), приводившая к созданию сети поселений-анклавов на территориях, по какой-то причине остававшихся незаселенными местными обитателями. В случае со «скачкообразной колонизацией» переселение происходило намного быстрее и, по некоторым оценкам, могло превышать 10 км в год, что предусматривает движение людей благодаря морскому каботажному плаванию (Zilhão 2001).

Обособленность ареала керамики импрессо Северного Причерноморья от ареала синхронных средиземноморских культур круга импрессо указывает на модель морской колонизации. Об этом же свидетельствует необычайно высокая скорость распространения сюда первой керамики (особенно исходя из «новой» хронологии БДК). Схожий процесс необычайно быстрой неолитизации значительно удаленных друг от друга территорий зафиксирован и для другой части ареала импрессо — Западного Средиземноморья. Не так давно Жуан Зильян пришел к выводу, что распространение кардиумной керамики вдоль южного побережья Франции и Испании, а также атлантического побережья Португалии, состоялась приблизительно в 5500—5400 г. cal BC. О высокой скорости этого процесса говорят как изотопные даты соответствующих памятников, так и практически одинаковый характер их керамической посуды (Zilhão 1997; 2001). Морской характер колонизации Западного Средиземноморья подтверждается распространением на побережье Франции, Италии и Северной Африки обсидиана с месторождений, расположенных на островах Сардиния, Пантеллерия, Липари, Палмарола (Tikot 1996).

Однако существовала ли физическая возможность морской колонизации Северного Причерноморья выходцами из Восточного Средиземноморья?

Действительно, на начальных этапах голоцена Черное море не сообщалось со Средиземным и существовало в виде пресноводного Новозвксинского озера, отделенного от Мирового океана сухоходным перешейком между Европой и Азией. В результате подъема уровня Мирового океана и, возможно, тектонических сдвигов, в нем образовался Босфорский пролив. Попадание соленой средиземноморской воды в Черное море привело к сравнительно быстрому поднятию его уровня до уровня Мирового океана. Значительно увеличилась и соленость

черноморской воды, что повлекло изменение видового состава ее обитателей. Как было установлено радиоуглеродным датированием образцов раковин средиземноморских солоноводных моллюсков, поднятых со дна Черного моря, наиболее вероятной датой образования Босфорского пролива может считаться 6700 г. cal BC (Ballard et al. 2000: 259; Yanko-Hombach, Tschepalyga 2003).

Итак, к моменту появления первой причерноморской керамики с зубчато-гребенчатым орнаментом (даже исходя из более древней «новой» хронологии БДК) водный путь, позволявший навигацию из Средиземного моря в Черное, уже существовал. К сожалению, пока отсутствуют прямые данные, позволяющие судить о характере морских путешествий людей того времени. Однако можно предположить, что это были многодневные плавания, в ходе которых в течение светлого времени суток небольшие участки пути преодолевались в пределах видимости берега. При этом могли использоваться крупные лодки достаточно развитой конструкции. О существовании таких судов у населения долины Нила времен «хартумского мезолита» свидетельствует находка, обнаруженная на поселении 16 — D-5 в Центральном Судане. Это — обломок гранитной гальки с нарисованным черной краской изображением задней части лодки с рулем сложной конструкции и куполообразной каютой посередине палубы. Аналогичные изображения широко известны в наскальных гравюрах Суданской Нубии и Египта. Но в отличие от них, упомянутая находка имеет четкое радиоуглеродное датирование в пределах первой четверти 7 тыс. cal BC (Usai, Salvatori 2007).

### **7.3. Свидетельства морской колонизации Северного Причерноморья в раннем неолите**

Задача поиска свидетельств пребывания в Северном Причерноморье средиземноморских мигрантов, изготавливавших керамику импрессо, требует предварительного определения круга тех явлений, которые могут выступать в качестве таких свидетельств. Для этого следует рассмотреть процессы, приведшие к появлению керамики импрессо в других частях ее ареала.

Согласно основным современным концепциям, распространение керамики импрессо в Западном Средиземноморье (Zilhão 1997; 2001) и Адриатике (Chapman, Müller 1990; Forenbaheer, Miracle 2004) происходило в два этапа.

На первом этапе морская колонизация новых территорий носителями неолитических новаций привела к появлению здесь первых ранне-неолитических поселений. Они могут быть двух типов. Первый — одиночные памятники, на которых зафиксированы все основные составляющие «неолитического пакета». Эти памятники всегда располагаются в низинах на морских побережьях, иногда уже затопленных морем (Ла Драга на озере Баньолес в Каталонии, Лекот-Корреже в Лангедоке, Тинь Подливаде и Покровник в Хорватии). Второй тип поселений — более многочисленные небольшие временные стоянки, находки которых содержат лишь часть «неолитического пакета» — «неолитический» кремневый инвентарь, керамику и кости домашних животных. Эти стоянки на прибрежных равнинах имели открытый характер, а в прибрежных горных районах располагались в пещерах и скальных навесах.

На втором этапе прогрессивные неолитические навыки распространялись от прибрежных регионов в глубь суши. Это распространение могло приобретать черты земледельческого освоения или процесса индивидуальной пограничной подвижности и инфильтрации. Археологически первое фиксируется по появлению памятников с находками всего «неолитического пакета», а второе — по памятникам с находками традиционной мезолитической кремневой индустрии, неолитической керамики и/или костей домашних животных, чаще всего в условиях доминирования костей диких видов (Zvelebil, Lillie 2000: 62).

Обращает внимание, что в Западном Средиземноморье на первом этапе распространения традиций керамики импрессо посуда отдаленных друг от друга территорий характеризуется высоким качеством и значительным подобием — «настоящий кардиал» («Le Vrai Cardial» или «true Cardial»). На втором этапе в результате процесса неолитизации внутренних территорий в регионе появился целый ряд локальных неолитических культур со специфическими видами кремневого инвентаря и более разнообразной и, в то же время, менее совершенной керамической посудой (горизонт керамики «Epicardial»), которая является свидетельством разрыва связей неолитических общин ранее единой области, а также их взаимодействия с местным мезолитическим населением (Barnett 2004: 249).

Описанные процессы первичной морской колонизации и постепенного освоения внутренних территорий не обязательно должны приводить к изменению антропологического

типа населения и отражаться в геномном объединении современного населения соответствующего региона. Например, данные с территории Португалии свидетельствуют лишь об отличных характеристиках зубной системы и посткраниального скелета местного населения мезолитического и неолитического времени. Это отличие может объясняться как заменой одного населения другим в процессе неолитизации, так и приспособлением местного населения к новым видам хозяйственной деятельности и пищевых ресурсов (Zilhão 1997; 1998). Исследование погребенных с 10 отдаленных друг от друга памятников с кардиумной керамикой продемонстрировало очень широкую вариабельность их краниологических показателей, что может свидетельствовать о распространении одного комплекса материальной культуры у нескольких различных популяций древнего населения Средиземноморья (Pinhasi 2006: 68).

Итак, главным препятствием для восприятия гипотезы о включении неолита Северного Причерноморья в круг культур с керамикой импрессо является отсутствие на юге Украины археологических памятников с полным «неолитическим пакетом». Наиболее простым объяснением этого факта может быть расположение в этом регионе, как и на остальной территории Большого Средиземноморья, самых ранних неолитических поселений на плодородных низинах неподалеку от тогдашнего морского побережья. По оценкам разных исследователей, современный уровень Мирового океана в сравнении с его уровнем 8,5 тысяч лет назад выше на 10—12 м. Это значит, что в середине — второй половине 7 тыс. cal BC северный берег Черного моря проходил на много километров южнее современной береговой линии, а на месте Азовского моря, наибольшая глубина которого достигает 15 м, находился небольшой лиман в устье Дона. Следовательно, береговые поселения первых неолитических мореплавателей, которые попали из Средиземного моря в Черное, теперь находятся под водой.

Уничтожение береговых неолитических памятников характерно для всего Средиземноморья. Так, неолитические памятники длительное время не были известны на южном берегу Мраморного и турецком побережье Эгейского морей. Здесь в результате повышения уровня Мирового океана устья горных рек Западной Анатолии, на плодородных аллювиальных почвах которых располагалось большинство неолитических поселений, превратились в морские заливы. За счет выноса пород, смытых с Анатолийского плато, в глу-

№2. 2010

бине этих заливов начали формироваться новые дельты рек. Это привело к тому, что даже уцелевшие от затопления памятники оказались в условиях, которые чрезвычайно усложняют их выявление. Например, неолитические слои памятника Демирджи Хёйюк (Demirci Höyük) теперь находятся на глубине 6 м от современной поверхности и на 4 м ниже уровня грунтовых вод, а памятник Йеникапы (Yenikapı) — на глубине 6 м от современного уровня Мраморного моря. Последний был обнаружен в устье реки Байрампаша (Bağrampaşa) в центре Стамбула только благодаря работам по прокладке по дну Босфора железнодорожного тоннеля. Из-за этого на западе Турции теперь исследованы только неолитические памятники в пещерах гор Восточной Фракии, например, Йаримбургаз (Yarimbürgaz), или расположенные на высоких скалистых берегах островов, например, Салиагос (Saliagos) и Хагиос Петрос (Hagios Petros), а также немногочисленные поселения, обнаруженные в местах проведения мелиорационных работ — на террасах реки Изник (Iznik), ныне сухого озера Йенишехир (Yenişehir), на берегах Боспорского пролива (Özdoğan 1989: 202; Algan et al. 2009).

Существует надежда, что в условиях, аналогичных описанным для запада Турции, ранне-неолитические поселения с собственно средиземноморской керамикой импрессо могут быть обнаружены и в Причерноморье. Местами, где они могли сохраниться, являются южный берег Крыма и побережье Северо-Западного Кавказа между гг. Геленджик и Сухуми. Из-за наличия здесь Крымских и Кавказских гор подъем уровня Черного моря почти не изменил очертаний его берегов (Dimitrov P., Dimitrov D. 2004: fig. 24).

И все же, если морская колонизация Северного Причерноморья носителями традиций изготовления керамики импрессо действительно имела место, отдельные специфические элементы их «неолитического пакета» должны были попасть к обитателям удаленных от моря территорий и сохраниться в оставленных ими археологических памятниках.

Таковыми элементами, имеющими средиземноморское происхождение, в первую очередь, могут выступать уже рассмотренные в данной статье первая неолитическая керамика с зубчато-гребенчатым и линейным орнаментом, а также «неолитический» кремневый комплекс, базирующийся на получении тонких отжимных пластин, из которых изготавливались многочисленные геометрические микролиты. Последний представлен не только на ранее названных памятниках степного

и лесостепного Причерноморья, но и на стоянках мурзак-кобинской культуры Горного Крыма. Еще 50 лет назад С. Н. Бибииков связал происхождение мурзак-кобинской кремневой индустрии с капсидской индустрией мезолитических памятников североафриканского побережья Средиземного моря (Бибииков 1959: 27), а недавно Л. Л. Зализняк отметил ее родство с кремневым комплексом средиземноморских культур, известных под обобщающим названием «кастельновьен». По мнению ученого, носители этой индустрии, имевшие южноанатолийские корни, попали в современный Крым морским путем (Зализняк 1998: 173, 228).

По серии из определенных А. А. Яневичем 9 наиболее достоверных радиоуглеродных дат, сделанных в последние годы в Киевской лаборатории по образцам кости из мурзак-кобинских слоев памятников Шпан-Коба, Фатьма-Коба, Шан-Коба и Мурзак-Коба, время существования культуры относится к 7600—6300 ВР, что отвечает приблизительно 6450—5200 гг. cal BC (Яневич 2008: 135—137). Как видим, нижний предел этих дат в целом совпадает с «новыми» киевскими датами самых ранних неолитических памятников Северного Причерноморья (Гиржевэ, Ракушечный Яр). Не противоречат они и упомянутой дате образования Боспорского пролива, следовательно, относят формирование мурзак-кобинских традиций ко времени, когда побережье Крыма было потенциально доступным для морской колонизации обитателями Средиземноморья.

Во-вторых, у средиземноморских мигрантов могли быть заимствованы навыки производящих отраслей хозяйства, свидетельства которых зафиксированы в различных частях Северного Причерноморья.

На сегодняшний день лучше подтвержденным является достаточно раннее появление в регионе доместифицированных животных. Так, в остеологических материалах Ракушечного Яра кости мясных домашних животных — быка, овцы, свиньи — попадают уже в древнейших слоях 21, 20, 19, 14 и являются стабильной составляющей фаунистической коллекции всех верхних слоев, начиная со слоя 11 (Белановская 1995: 151, табл. 22). В Восточном Приазовье на ранне-неолитическом поселении Матвеев Курган I обнаружены кости домашних животных: свиньи, быка, коня, овцы-козы, собаки, которые вместе составили 18,8% всех костей, определенных до вида. Согласно двум радиоуглеродным датам, сделанным по образцам древесного угля в Санкт-Петербургской и Гронингенской

лабораториях, этот памятник датируется второй половиной 7 тыс. cal BC (Крижевская 1992: 101, табл. 13, 14; 114). Кости мясных домашних животных — быка, мелкого рогатого скота, свиньи, коня в разных сочетаниях и пропорциях представлены в остеологических коллекциях сурских поселений Сурский Остров I, Сурский Остров II и Сэмэнивка 1, нижний слой. При этом вместе представители домашних видов составляют от 9% (Сурский Остров I) до 56% (Сэмэнивка 1) общего количества особей мясных животных (Журавлев, Котова 2002: 116, табл. 4).

Видовое определение было сделано и для остеологических находок пяти буго-днестровских поселений Степного Побужья (Пугач 1, Пугач 2, Гард 3, Гард 4, Мыкольна Брояка), которые по «новым» киевским датам относятся к 6 — началу 5 тыс. cal BC. Остатки мясных домашних животных — быков, овец, коз, свиней и коней — в разных сочетаниях и пропорциях были обнаружены на всех названных памятниках, где по количеству особей они доминировали (за исключением Мыкольной Брояки) над представителями дикой фауны (Товкайло 2005: 51, 52, табл. 6.1, 2). Но, по наблюдениям Н. Т. Товкайло, во всех названных комплексах слои с материалами буго-днестровской культуры также содержали керамику раннего периода трипольской культуры (Товкайло 2005: 33, табл. 4.7; 67). Следовательно, нельзя исключать связь остатков, по крайней мере, части этих домашних животных с находками трипольской культуры.

На западе региона, на стоянке Гиржево, найдено 18 костей, скорее всего, одной особи крупного «дикого или домашнего» быка, а также 48 костей одной или двух особей небольшого «дикого или домашнего» коня (Станко 1967: 166). Учитывая наличие на памятнике материалов энеолита и раннего железного века, а также перемешанный характер культурного слоя, даже принадлежность костей domesticiрованным видам не позволит однозначно связывать их с неолитическими находками. Более четко раннее появление домашних животных было зафиксировано на несколько более северных безкерамических памятниках Лесостепного Поднестровья. В частности, в Сорока II, слой 3 были обнаружены кости трех особей домашней свиньи, в Сорока II, слой 2 — одной особи домашнего быка и двух особей домашней свиньи, в Сорока I, слой 2 — одной особи домашнего быка и двух особей домашней свиньи (Маркевич 1974: 32, 73, 83). Две «старые» радиоуглеродные даты Берлинской лаборатории относят существова-

ние двух первых памятников к третьей четверти 7 тыс. cal BC (Маркевич 1974: 138).

В свое время определенной неожиданностью стало трасологическое определение Г. Ф. Коробковой вкладышей серпов в материалах расположенной в Нижнем Подунавье мезолитической стоянки Мырнэ, имеющей «старую» дату 6210—5920 cal BC (Ле-1647) (Станко 1982; Станко, Свеженцев 1988). При этом в одних публикациях все найденные вкладыши осторожно охарактеризованы как предназначенные для срезания травы (Станко 1982: 128), а в других — для срезания как диких трав (14 экз.), так и культурных злаков (2 экз.) (Сапожникова 2007: 127). Однако наличие в коллекции памятника материалов трипольской культуры (Бурдо, Станко 1981) позволяет поставить под сомнение связь упомянутых вкладышей с его мезолитическими находками. Невзирая на тщательное изучение буго-днестровской керамики Степного Побужья палеоботаником Г. А. Пашкевич, отпечатки культурных растений — 2 зерновок пленчатого ячменя — были обнаружены лишь в материалах Мыкольной Брояки (Котова, Пашкевич 2002: 109, табл. 2). Похожая ситуация наблюдается и в раннем неолите Надпорожья и Степного Приазовья. Для памятников сурской культуры ныне зафиксирован лишь 1 отпечаток культурного растения — пленчатой пшеницы двузернянки, — обнаруженный на обломке сосуда из нижнего слоя поселения Стрильча Скэля (Котова, Пашкевич 2002: 108).

Более многочисленными и разнообразными являются находки отпечатков культурных растений на керамике БДК лесостепного Поднестровья (Сорока II, сл. 1; Сорока III; Сорока I, сл. 1, гор. «б»; Сорока V) и Побужья (Сокильци II; Сокильци VI; Базькив Остров; Зянькивци II; Чернятка; Шимановськэ II) (Маркевич 1974: 153, табл. 8; Котова, Пашкевич 2002: 109, табл. 2). Обращает внимание, что в нескольких случаях эти отпечатки были обнаружены на сосудах, украшенных гребенчатыми оттисками и линиями, проглаженными гребенчатым штампом (Базькив Остров; Чернятка; Шимановськэ II). Но их наличие здесь, при условии отсутствия на смежных степных территориях, скорее свидетельствует о распространении земледельческих навыков не с юга на север, а с запада на восток — от носителей культуры Криш и линейно-ленточной керамики. Этот вывод хорошо коррелирует с наличием находок импортной керамики соответствующих культур в инвентаре лесостепных поселений БДК и их отсутствием в степной зоне. Одиночные от-

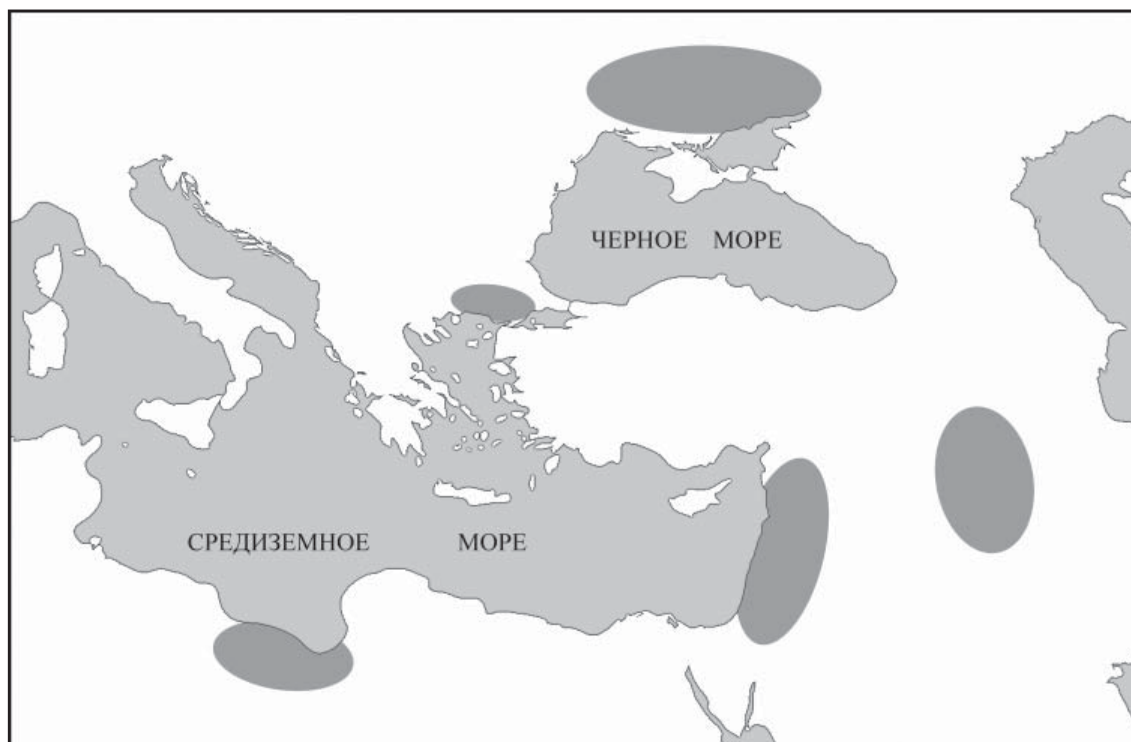


Рис. 15. Распространение «челноков» в 7 тыс. cal BC (по: Усачева 2005: рис. 2).

печатки культурных растений обнаружены на посуде второго периода азово-днепровской культуры Надпорожья (Лысогорский могильник; Мыкильський могильник; Стрильча Скэля) (Котова, Пашкевич 2002: 109, табл. 1). Их появление также следует связывать с межкультурными контактами, осуществлявшимися в широтном направлении и фиксирующимися по импортам раннетрипольской керамики и первых металлических изделий (Мыкильський могильник).

Еще одной составляющей «неолитического пакета», имеющейся в Северном Причерноморье в инвентаре памятников второй половины 7 тыс. cal BC — 6 тыс. cal BC, являются шлифованные каменные изделия. Они представлены рубящими орудиями (Матвеев Курган I, Матвеев Курган II; Сурский Остров I; Мэльнычна Круча; Сорока I, сл. 1, гор. «б»; Сорока III), каменной посудой (Сурский Остров I; Выноградный Остров; Игрэнь V; Гард) и специфическими каменными поперечножелобчатыми изделиями, известными под названиями «челноки», «утюжки», «гладилки» (Сорока II, сл. 3; Сурский Остров I; Сурский Остров II; Игрэнь 8; Раздорское I). Особенный интерес вызывают последние. Их происхождение четко связывается с ближневосточными культурами 10—9 тыс. cal BC (протонеолитические комплексы Загроса; натуфийская культура; докерамический неолит Иерихона А). Но, в отличие от рубящих орудий и каменных

сосудов, которые также происходят с Ближнего Востока, они не приобрели распространения у носителей раннеземледельческих культур соседних с Северным Причерноморьем регионов. Так, в 7 тыс. cal BC кроме ближневосточного населения их использовали лишь обитатели Северной Африки и Северного Причерноморья (рис. 15) (Wechler 2001: 243, 244; Усачёва 2005: 12—14). Распространение в это время «челноков» в отдельных несвязанных между собой географически удаленных ареалах может объясняться или конвергентностью развития населения этих территорий, или морским распространением традиции их изготовления.

Как уже отмечалось, неолитизация новых территорий вследствие морской колонизации может не сопровождаться изменениями антропологического типа их обитателей. Однако в могильниках мариупольского типа, существовавших в Северном Причерноморье в 7—5 тыс. cal BC, отмечается появление населения с новыми антропологическими характеристиками. Погребенные в них представляют два краниологических варианта гиперморфных протоевропеоидов - долихокранов с очень широким и хорошо профилированным лицом, и мезокранов с широким, высоким и слабопрофилированным лицом. Сейчас наибольшее распространение получило мнение, что представители первого варианта являются потомками местного финальнопалеолитического населения, известного по скорченным

погребениям надпорожских могильников Васыливка I и Васыливка III, а второго — мигрантами, не имеющими корней в предшествующих археологических культурах региона. Погребенные, сочетающие признаки обоих краниологических вариантов, зафиксированы в одном из двух самых ранних могильников мариупольского типа — Васыливка II, датирующимся 7000—6200 гг. cal BC. В чистом виде и в большем количестве представители второго варианта появляются в могильниках, относящихся к 6—5 тыс. cal BC (Потехина 1999: 69—71; Telegin et al. 2002).

Исходя из специфики погребального обряда и антропологических характеристик, генезис представителей второго краниологического варианта и археологи, и антропологи видели лишь на севере Центральной и Восточной Европы, в частности, в могильниках Дании (Ведбэк, Эртебелле), Швеции (Скаттехольм), и северо-запада европейской части России (Попово, Олений Остров) (Телегин 1968: 186—188; Potekhina 1998; Залізник 1998: 204, 218, 243; 2005: 86, 88, 100).

Однако сравнительным анализом антропологических данных древнего населения Северного Причерноморья и других территорий, проведенным И. Д. Потехиной в 1990 - х гг., было установлено, что аналоги второго краниологического варианта мезо-неолитического населения Надпорожья обнаружены не только в Западной Балтии (Ведбэк), но и в мезолите Крыма (Мурзак-Коба) и Северной Африки (Тафоральт). По мнению исследовательницы, значительное подобие черепов с таких отдаленных друг от друга территорий является свидетельством общего происхождения соответствующих популяций от близких верхнепалеолитических вариантов и их последующего параллельного развития (Потехина 1999: 137—143). Однако данное замечание не решает проблемы появления в Северном Причерноморье представителей второго краниологического варианта. Существующая гипотеза про северо-западное происхождение этого населения выглядит недостаточно убедительно, учитывая, что время максимума его распространения в Надпорожье и Крыму совпадает с максимальным распространением здесь неолитических новаций, имеющих балканские, восточносредиземноморские и, возможно, североафриканские корни. В свете приведенных наблюдений вопрос генезиса отдельных краниологических вариантов неолитических обитателей Северного Причерноморья, видимо, еще далек от своего окончательного решения.

Таким образом, среди находок раннеэнеолитических памятников Северного Причерноморья зафиксированы такие составляющие «неолитического пакета», как керамическая и каменная посуда, специфическая «неолитическая» кремнеобработка, шлифованные каменные изделия и кости domesticiрованных животных. При этом, исходя из радиоуглеродных дат, их первое появление и по «старой», и по «новой» хронологии произошло в период между серединой и концом 7 тыс. cal BC. С одной стороны, в это время Черное море уже соединилось с Мировым океаном и его берега стали доступны для морской колонизации обитателями Средиземноморья. С другой — исходя из радиоуглеродных дат раннеэнеолитических памятников Румынии, сухопутная «волна прогресса» раннеземледельческих колонистов Балкан могла достичь границ Северного Причерноморья не ранее 6200 г. cal BC (Biagi, Spataro 2005; Biagi et al. 2005). Отсюда с высокой степенью вероятности можно сделать вывод, что распространение, по крайней мере, части перечисленных новаций связано с процессами индивидуальной пограничной подвижности и инфильтрации средиземноморских мигрантов, ранее колонизировавших черноморское побережье морским путем.

Проводя аналогии с Западным Средиземноморьем, за неолитическими культурами Северного Причерноморья можно увидеть некую область, сродни «эпикардиалу» материковых районов Франции и Испании. Являясь северной периферией более развитого приморского населения, носители этих культур переняли у него лишь часть неолитических новаций, которые в несколько измененном виде представлены в их археологическом комплексе наряду с характерными чертами местного мезолита.

## Выводы

Появление в Северном Причерноморье остродонной и круглодонной посуды с зубчатогребенчатым орнаментом традиционно связывается с переселением сюда групп обитателей более северных и северо-восточных регионов. В качестве таковых разные исследователи называли лесостепное Поднепровье и бассейны Припяти (Д. Я. Телегин), Левобережье Верхнего Днепра (В. Н. Даниленко), Среднее и Северное Зауралье (Н. С. Котова). Значительные серии абсолютных дат, полученные в последние 15 лет в Киевской радиоуглеродной лаборатории, позволили устано-

№2. 2010

вить, что в Северном Причерноморье такая керамика появилась раньше, чем на Верхнем Днепре, в Поволжье, бассейне Камы, Зауралье, а в степном Причерноморье — раньше, чем в лесостепи. Эти данные убеждают в несостоятельности упомянутых гипотез. Как альтернативу им автор предлагает рассматривать причерноморский неолит с зубчато-гребенчатой орнаментацией керамики как часть средиземноморской области неолитических культур с керамикой импрессо.

Поиск возможных средиземноморских прототипов причерноморской керамики с зубчато-гребенчатым орнаментом привел к выводу, что ею могла быть посуда неолита Северной Африки, известного под названием «неолит суданской традиции», «сахаросуданский комплекс» либо «хартумский неолит». Сформировавшись в 9—8 тыс. cal BC, в середине 7 тыс. cal BC она могла распространиться на Ближний Восток, и далее — в Северное Причерноморье. Высокая скорость её распространения, засвидетельствованная радиоуглеродными датами, отвечает модели «морских пионеров» (*maritime pioneers*), разработанной Жуаном Зильяном на примере распространения кардиумной керамики в Западном Средиземноморье в середине 6 тыс. cal BC. Про возможность морской колонизации Северного Причерноморья свидетельствует появление в регионе неолитической керамики лишь после образования Боспорского пролива, т. е. когда Черное море уже стало частью Большого Средиземноморья.

Главным препятствием в восприятии предложенной автором гипотезы является отсутствие в Северном Причерноморье археологических памятников с полным «неолитическим пакетом». Объяснением этого факта может быть расположение самых ранних неолитических поселений на плодородных низинах неподалеку от морского побережья, впоследствии затопленного морем, уровень которого за последние 8,5 тысяч лет поднялся более чем на 10 м.

С другой стороны, в инвентаре бугоднестровского поселения Саврань присутствует фрагмент сосуда, украшенного кардиумным орнаментом. Использование при его изготовлении мелкого песка, перенасыщенного ракушками остракод *Cyprideis torosa littoralis* (Brady, 1864), указывает на его изготовление на берегу слабосоленого водоема, скорее всего, одного из лиманов Черного моря. Таким образом, эта находка свидетельствует или о проживании в Северном Причерноморье носителей традиции кардиумной орнаментации

керамики, или, в крайнем случае, об их контактах с жителями этого региона.

Опосредованно об этом же свидетельствует наличие на неолитических памятниках Северного Причерноморья посуды с зубчато-гребенчатым и линейным орнаментом, все признаки которой встречаются и в керамике средиземноморской области импрессо, а также специфического «неолитического» кремневого комплекса, костей domesticiрованных животных, шлифованных каменных изделий. Судя по радиоуглеродным датам, эти составляющие «неолитического пакета» появились тут в период между соединением Черного моря с Мировым океаном и расселением в Подунавье первых ранних земледельцев Балкан. Отсюда можно сделать вывод, что распространение, по крайней мере, части перечисленных неолитических новаций связано с процессами индивидуальной пограничной подвижности и инфильтрации средиземноморских мигрантов, обитавших на ныне затопленных участках черноморского побережья.

Проводя аналогии с Западным Средиземноморьем, за неолитическими культурами Северного Причерноморья — бугоднестровской, днепро-донецкой, сурской, азово-днепровской, ракушечной, нижнедонской — можно увидеть некую область, схожую с «эпикардием» материковых районов Франции и Испании. Являясь северной периферией более развитого приморского населения, носители этих культур переняли у него лишь часть «неолитического пакета». Соответственно, в археологическом инвентаре их памятников неолитические новации сочетаются с характерными чертами местного мезолита.

Таким образом, на нынешнем уровне наших знаний о неолите Северного Причерноморья гипотеза, рассматривающая его как часть культурной области импрессо Большого Средиземноморья, выглядит более убедительной, чем связывающая с северными и северо-восточными территориями. В ее пользу свидетельствуют как археологические данные и радиоуглеродные даты, так и логика исторического развития, обуславливающая распространение неолита из южных регионов с кризисными экологическими явлениями и более высоким уровнем развития общества на север. Дальнейшее развитие этой гипотезы требует продолжения датирования неолита Северного Причерноморья, полевого поиска неолитических памятников на берегах Черного моря, в т. ч. в местах, находящихся ниже уровня его современной

поверхности, изучения изменений антропологических особенностей позднемезолитического и неолитического населения региона, детального исследования наиболее ранних проявлений воспроизводящей экономики.

### Благодарности

Автор сердечно благодарит канд. ист. наук Н. Б. Бурдо (Институт археологии НАН Украины) за помощь в работе с неолитическими коллекциями научных фондов ИА НАНУ, д-ра биол. наук Г. А. Пашкевич (Институт археологии НАН Украины) за любезно пре-

доставленные неопубликованные данные об отпечатках культурных растений на бугодноднестровской керамике Побужья, канд. геогр. наук В. А. Присяжнюка (Институт геологии НАН Украины) за видовое определение раковин остракод, проф., д-ра хаб. Л. Черняка (Институт археологии Гданьского университета) и канд. ист. наук А. А. Яневича (Институт археологии НАН Украины) за плодотворное обсуждение отдельных положений данной статьи, сотрудников Одесского археологического музея за любезное разрешение сделать фотографии материалов, выставленных в экспозиции музея.

### Литература

- Белановская Т. Д. 1983. Ракушечноярская культура времени неолита и энеолита на Нижнем Дону. В: *Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа*. Ростов-на-Дону: РГУ, 10—15.
- Белановская Т. Д. 1995. *Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета.
- Бибииков С. Н. 1959. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита. СА 4, 19—28.
- Борисковский П. И. 1963. *Отчет о работе Одесского палеолитического отряда в 1963 г.* Київ. Науковий архів ІА НАНУ. № 1963/28.
- Бурдо Н. Б., Станко В. Н. 1981. Энеолитические находки на стоянке Мирное. В: Мезенцева Г. Г. (отв. ред.). *Древности Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 17—22.
- Выборнов А. А. 1992. *Неолит Прикамья*. Самара: Изд-во Самарского государственного педагогического университета.
- Выборнов А. А. 2000. Средневожская культура. *Известия Самарского научного центра РАН*. Спец. вып. «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней». Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 177—215.
- Выборнов А. А. 2008. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолитической керамики Волго-Камья. *Археология, этнография и антропология Евразии* 4, 15—24.
- Выборнов и др. 2008: Выборнов А. А., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В. 2008. К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: западный регион. РА 4, 64—71.
- Выборнов и др. 2009: Выборнов А. А., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В. 2009. К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: восточный регион. РА 3, 58—65.
- Гаскевич Д. 2001. Регіональні особливості у неолітизації Прип'ятського Полісся. *Гістарично-археологічний збірник* 16, 36—49.
- Гаскевич Д. Л. 2003. *Крем'яний інвентар неолітичних культур України*. Автореф. дисс.... канд. іст. наук. Київ.
- Гаскевич Д. Л. 2005. Крем'яні вироби кукрекської культурної традиції в інвентарі буго-дністровських пам'яток Побужья. *Археологія* 3, 24—37.
- Гаскевич Д. Л. 2007. Синхронізація буго-дністровського неоліту та неоліту Центральної Європи: Проблема радіовуглецевих дат. В: Gierlach M., Bakalarska L. (red.) *Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski*. Materiały z konferencji zorganizowanej przez Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego, Łańcut, 26—28 X 2005 r. Warszawa: Krajowy Ośrodek Badań i Dokumentacji Zabytków, 115—147.
- Гаскевич Д. 2008а. Форма дна керамічного посуду бугоднодністровських пам'яток Лісостепового Побужья. *Археологічний альманах* 19. Донецьк: ООО «Апекс», 275—307.
- Гаскевич Д. Л. 2008б. Кераміка «самчинського» типу та проблеми періодизації буго-дністровської неолітичної культури. *КДУ* 11, 157—187.
- Готун та ін. 2007. Готун І. А., Гаскевич Д. Л., Казимір О. М., Лисенко С. Д., Петраускас А. В., Петраускас О. В. *Поселення між Ходосівкою та Лісниками: Дослідження 2003 р.* Північна експедиція ІА НАН України: Матеріали і дослідження І. Київ: ВД «Стилос».
- Даниленко В. Н. 1955. *Отчет об археологических исследованиях Южнобугского отряда за 1955 г.* Київ. Науковий архів ІА НАНУ. № 1955/8.
- Даниленко В. М. 1957. Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бугу. *Археологія* X, 36—49.
- Даниленко В. Н. 1958. *Археологические исследования на Южном Буге в 1957—1958 гг. Отчет о работе Среднебугской неолитической экспедиции*. Київ. Науковий архів ІА НАНУ. № 1958/5.
- Даниленко В. Н. 1959—1961. *Отчет об исследовании Бугской экспедицией ИА АН УССР неолитических памятников на Южном Буге в 1959—1961 гг.* Київ. Науковий архів ІА НАНУ. № 1959—1961/7.
- Даниленко В. Н. 1962. Археологические исследования в зонах строительства ГЭС на Южном Буге в 1959—1960 гг. *КСИА АН УССР* 12, 23—27.
- Даниленко В. Н. 1969. *Неолит Украины: главы древней истории Юго-Восточной Европы*. Киев: Наукова думка.
- Даниленко В. М. 1971. Буго-дністровська культура. В: Телегін Д. Я. (відп. ред.) *Археологія УРСР* 1. Київ: Наукова думка, 85—96.
- Даниленко В. Н. 1974. *Энеолит Украины*. Киев: Наукова думка.
- Даниленко В. Н. 1985. Буго-дністровська культура. В: Телегін Д. Я. (отв. ред.). *Археологія Української ССР* 1. Киев: Наукова думка, 118—126.
- Журавлев О. П., Котова Н. С. 2002. Каталог остеологи-

№2. 2010

- ческих материалов неолитических памятников Украины (Приложение 3). В: Котова Н. С. *Неолитизация Украины*. Луганск: Шлях, 111—119.
- Залізник Л. Л. 1979. Неолітичні пам'ятки р. Здвиж. *Археологія* 31, 54—65.
- Залізник Л. Л. 1998. *Передісторія України Х—V тис. до н. е.* Київ: Бібліотека українця.
- Залізник Л. Л. 2005. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація. *КДУ* 8.
- Залізник Л. Л. 2006. Гребениківська мезолітична культура: походження, хронологія, історична доля. *Археологія* 4, 3—18.
- Залізник Л. Л., Балакін С. А., Охріменко Г. В. 1987. Неолітичні поселення Корма-1 та Крушники на Житомирщині. *Археологія* 58, 64—73.
- Залізник Л. Л., Манько В. О. 2004. Стоянки біля с. Добрянка на р. Тікич та деякі проблеми неолітизації Середнього Подніпров'я. *КДУ* 5, 137—168.
- Калечиц Е. Г. 1987. *Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии*. Минск: Наука и техника.
- Качинский Н. А. 1965. *Физика почвы*. Учебное пособие. Ч. 1. Москва: Высшая школа.
- Косинская Л. Л. 2004. Проблемы хронологии западно-сибирского неолита (к вопросу о роли радиоуглеродного датирования). В: Тимофеев В. И., Зайцева Г. И. (отв. ред.). *Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 301—307.
- Косинская и др. 2006: Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. 2006. Поселение Быстрый Кульёган 66 и быстринская археологическая культура. В: Косинская Л. Л., Труфанов А. Я. (ред.). *Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья*. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 57—67.
- Котова Н. С. 1994. *Мариупольская культурно-историческая область (Днепро-донское междуречье)*. Археологічні пам'ятки та історія стародавнього населення України 1. Ковель: Вежа, 1—143.
- Котова Н. С. 2002. *Неолитизация Украины*. Луганск: Шлях.
- Котова Н. С., Ковалюх Н. Н. 2002. Каталог радиоуглеродных дат неолитических памятников Украины (Приложение 1). В: Котова Н. С. *Неолитизация Украины*. Луганск: Шлях, 85—105.
- Котова Н. С., Пашкевич Г. А. 2002. Каталог отпечатков культурных растений на керамике неолитических культур Украины (Приложение 2). В: Котова Н. С. *Неолитизация Украины*. Луганск: Шлях, 106—110.
- Котова Н. С., Тубольцев О. В. 1992. Поздняя сурская культура и ее окружение. *Древности степного Причерноморья и Крыма* 3, 8—23.
- Крижевская Л. Я. 1992. *Начало неолита в степях Северного Причерноморья*. Археологические изыскания 5. Санкт-Петербург: ИИМК АН СССР.
- Ларина О. В. 2006. Неолитическая керамика поселения Тэтэрэука Ноуэ XV (к проблеме исчезновения культуры линейно-ленточной керамики). *Revista Arheologică (Serie nouă)* II: 1—2, 35—55.
- Лозовский В. М. 2003. Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье. В: Тимофеев В. И. (отв. ред.). *Неолит — энеолит юга и неолит севера Восточной Европы*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 219—240.
- Манько В. О. 2006. *Неоліт Південно-Східної України*. *КДУ* 9.
- Манько В. О., Сапожников И. В. 2007. Неолітичний господарсько-побутовий комплекс Плітовище I у Чорнобильському Поліссі. *КДУ* 10, 235—242.
- Маркевич В. И. 1974. *Буго-днестровская культура на территории Молдавии*. Кишинев: Штиинца.
- Неприна В. И. 1969. Тетеревское поселение днепродонецкой культуры. *СА* (2), 134—139.
- Потехина И. Д. 1999. *Население Украины в эпохи неолита и раннего энеолита по антропологическим данным*. Киев: ИА НАНУ.
- Сапожникова Г. В. 2007. Про елементи відтворювального господарства в пізньому палеоліті і мезоліті України. *КДУ* 10, 126—130.
- Станко В. Н. 1967. Некоторые вопросы позднего мезолита Северо-Западного Причерноморья (по материалам раскопок стоянки Гиржево). *ЗОО* 2 (35), 155—168.
- Станко В. Н. 1982. *Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Станко В. Н., Свеженцев Ю. С. 1988. Хронология и периодизация позднего палеолита и мезолита Северного Причерноморья. *Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода* 57, 116—119.
- Телегин Д. Я. 1968. *Дніпро-донецька культура: до історії населення епохи неоліту — раннього металу півдня Східної Європи*. Київ: Наукова думка.
- Телегин Д. Я. 1977. Рецензія на книгу: В. И. Маркевич. Буго-днестровская культура на территории Молдавии. *Археологія* 23, 88—91.
- Телегин Д. Я. 1988. Области культуры эпохи неолита юга Европейской части СССР, их хронология и периодизация. В: Ковалева И. Ф. (отв. ред.). *Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы*. Днепропетровск: Днепропетровский государственный университет, 33—56.
- Телегин Д. Я. 1991. *Неолитические могильники мариупольского типа*. Киев: Наукова думка.
- Телегин Д. Я. 1995. Неолитическая керамика романковского типа в Киевском Поднепровье. *РА* 1, 110—120.
- Телегин Д. Я., Титова Е. Н. 1998. Поселения днепродонецкой этнокультурной общности эпохи неолита. *САИ*. Киев: Наукова думка.
- Тимофеев и др. 2004. Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., Долуханов П. М., Шукуров А. М. *Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии*. Санкт-Петербург: Теза.
- Титова Е. Н. 1990. О контактах населения киево-черкасской и буго-днестровской культур. В: Неприна В. И. (отв. ред.). *Каменный век на территории Украины*. Киев: Наукова думка, 28—39.
- Товкайло М. Т. 2004. До проблеми датування буго-дністровського неоліту. *КДУ* 5, 236—246.
- Товкайло М. 2005. *Неоліт Степового Побужжя*. *КДУ* 6.
- Тубольцев О. В. 2003. Неопубликованные материалы по раннему неолиту Надпорожья. *Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету XVIII*, 28—49.
- Усачева И. В. 2005. «Утюжки» в культурах Евразии. *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 6. Тюмень: Изд-во Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН, 12—23.
- Цыбрий В. В. 2005. *Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья*. Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.

- Чаиркина Н. М. 2009. Культурно-хронологическая специфика неолитических комплексов Северного Зауралья. В: Васильев С. А. (отв. ред.). *Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы*. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Н. Н. Гуриной. Санкт-Петербург: ИИМК РАН/МАЭ РАН, 179—181.
- Черныш Е. К. 1996. Буго-днестровская культура. В: Ошибкина С. В. (отв. ред.). *Археология. Неолит Северной Евразии*. Москва: Наука, 19—26.
- Шер Я. А. 2004. Стиль в первобытном искусстве. В: *Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция*. Материалы V тематической научной конференции, Санкт-Петербург, 1—4 декабря 2004 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 10—13.
- Шорин А. Ф. 2009. Хроностратиграфия неолитических комплексов Кокшаровского холма в Среднем Зауралье. В: Васильев С. А. (отв. ред.). *Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы*. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100 — летию Н. Н. Гуриной. Санкт-Петербург: ИИМК РАН/МАЭ РАН, 176—178.
- Яневич О. О. 2008. Хронологія пізньомезолітичної мурзак-кобинської культури Гірського Криму. В: Кулаковська Л. В. (відп. ред.). *Дослідження первісної археології в Україні (До 50-річчя відкриття палеолітичної стоянки Радомішль)*. Матеріали міжнародної археологічної конференції «Радомішль та його історія», 3—4 жовтня 2006 р. Київ: Корвін Пресс, 135—145.
- Algan et al. 2009. Algan O., Yalçın M. N., Özdoğan M., Yılmaz İ., San E., Kırç-Elmas E., Ongan D., Bulkan-Yeşiladağ Ö., Yılmaz Y., Karamut I. 2009. A Short note on the geo-archaeological significance of the ancient Theodosius Harbour (İstanbul-Turkey). *Quaternary research* 72, 457—461.
- Ammerman A. J., Cavalli-Sforza L. L. 1984. *The Neolithic Transition and the Genetics of Population in Europe*. Princeton, N. J.: Princeton University Press.
- Athersuch et al. 1989: Athersuch J., Home D. J., Whittaker J. E. 1989. *Marine and Brackish Water Ostracods (superfamilies Cypridacea and Cytheracea): Keys and Notes for the Identification of the Species*. Synopses of the British Fauna (N. S.) 43. Avon: The Bath Press.
- Ballard et al. 2000: Ballard R. D., Coleman D. F., Rosenberg G. D. 2000. Further evidence of abrupt Holocene drowning of the Black Sea shelf. *Marine Geology* 170, 253—261.
- Balossi F., Frangipane M. 2002. La ceramica impressa del Vicino Oriente. In: Fugazzola Delpino M. A., Pessina A., Tiné V. (a cura di). *Le ceramiche impresse nel Neolitico antico, Italia e Mediterraneo*. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 3—15. (Bullettino di Paleontologia Italiana. Studi di Paleontologia I).
- Barnett W. K. 2004. Spread of Agriculture Westward Across the Mediterranean. In: Bogucki P., Crabtree P. J. (ed). *Ancient Europe 8000 B. C.—A. D. 1000. Encyclopedia of the Barbarian World*. Vol. 1. New York: Scribner, 248—253.
- Benvenuti A. G., Metallinou L. 2002. La ceramica impressa della Grecia. In: Fugazzola Delpino M. A., Pessina A., Tiné V. (a cura di). *Le ceramiche impresse nel Neolitico antico, Italia e Mediterraneo*. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 17—28. (Bullettino di Paleontologia Italiana. Studi di Paleontologia I).
- Berciu D. 1966. *Cultura Hamangia*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Biagi P., Spataro M. 2005. New observations on the radiocarbon chronology of the Starčevo-Criș and Körös cultures. In: Nikolova L., Fritz J., Higgins J. (eds.). *Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory and Education: Archaeology, Cultural Anthropology, Genealogy, Student Anthropological Projects*. Salt Lake City, US: International Institute of Anthropology, 35—40. (Reports of Prehistoric Research Projects 6—7).
- Biagi et al. 2005: Biagi P., Shennan S., Spataro M. 2005. Rapid rivers and slow seas? New data for the radiocarbon chronology of the Balkan peninsula. In: Nikolova L., Fritz J., Higgins J. (eds.). *Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory and Education: Archaeology, Cultural Anthropology, Genealogy, Student Anthropological Projects*. Salt Lake City, US: International Institute of Anthropology, 41—50. (Reports of Prehistoric Research Projects 6—7).
- Caneva I. 1987. Pottery Decoration in Prehistoric Sahara and Upper Nile: a New Perspective. In: Barich B. E. (ed.). *Archaeology and Environment in the Libyan Sahara: The excavations in Tadrart Acacus, 1978—1983*. BAR International Series 368, 231—254.
- Chapman J., Müller J. 1990. Early farmers in the Mediterranean Basin: the Dalmatian evidence. *Antiquity* 64, 127—134.
- Comşa E. 1971. Unele date privind raporturile dintre culturile neolitice timpurii din estul României cu cele din sud-vestul U. R. S. S. *SCIV* 22, 377—386.
- Daugas et al. 2008: Daugas J.-P., El Idrissi A., Ballouche A., Marinval P., Ouchau B. 2008. Le Néolithique ancien au Maroc septentrional: données documentaires, sériation typochronologique et hypothèses génétiques. *Bulletin de la Société préhistorique française* 105, 787—812.
- Dimitrov P., Dimitrov D. 2004. *The Black Sea, the Flood and the Ancient Myths*. Varna: Slavena.
- Fernández et al. 2003: Fernández V. M., Jimeno A., Menéndez M. 2003. Archaeological excavations in prehistoric sites of the Blue Nile area, Central Sudan. *Complutum* 14, 273—344.
- Forenbaher S., Miracle P. T. 2005. The spread of farming in the Eastern Adriatic. *Antiquity* 79, 514—528.
- Huysecom et al. 2009: Huysecom E., Rasse M., Lespez L., Neumann K., Fahmy A., Ballouche A., Ozainne S., Maggetti M., Tribolo Ch., Soriano S. 2009. The emergence of pottery in Africa during the tenth millennium cal BC: new evidence from Ounjougou (Mali). *Antiquity* 83, 905—917.
- Kadrow S. 2007. Kontakty kultur środkowoeuropejskich ze środowiskiem kulturowym na terenach Ukrainy we wczesnym neolicie — wybrane zagadnienia. W: Gierlach M., Bakalarska L. (red.) *Wspólnota dziedzictwa archeologicznego ziem Ukrainy i Polski*. Materiały z konferencji zorganizowanej przez Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego, Łańcut, 26—28 X 2005 r. Warszawa: Krajowy Ośrodek Badań i Dokumentacji Zabytków, 250—269.
- Kotova N. S. 1998. The role of eastern impulse in development of the Neolithic cultures of Ukraine. In: Domańska L., Ken J., Koško A. (eds.). *Beyond Balkanization*. Poznań: Adam Mickiewicz University, 160—194. (Baltic-Pontic Studies 5).
- Kuper R., Kröpelin S. 2006. Climate-Controlled Holocene Occupation in the Sahara: Motor of Africa's Evolution. *Science* 313, 803—807.

## №2. 2010

- Le Quellec J. L. 2006. Rock Art and Cultural Responses to Climatic Changes in the Central Sahara During the Holocene. In: Peddarapu C. R. (ed.) *Exploring the Mind of Ancient Man*. New Delhi: Research India Press, 173—188.
- Marshall F., Hildebrand E. 2002. Cattle Before Crops: The Beginnings of Food Production in Africa. *Journal of World Prehistory* 16, 109—143.
- Mohammed-Ali Abbas S., Khahir Abdel-Rahim M. 2003. The Wavy Line and the Dotted Wavy Line Pottery in the Prehistory of the Central Nile and the Sahara-Sahel Belt. *African Archaeological Review* 20, 25—58.
- Müller J. 1991. Die ostadriatische Impresso-Kultur: Zeitliche Gliederung und kulturelle Einbindung. *Germania* 69, 311—358.
- Opreanu P. 2003. Contribution to the Knowledge of Recent Ostracod Fauna from Some Danube Delta Lakes. *Geo-Eco-Marina* 9—10, 72—74.
- Ozainne et al. 2009: Ozainne S., Huysecoml E., Mayor A., Robion-Brunner C., Soriano S. 2009. Une chronologie pour le peuplement et le climat du pays dogon: la séquence culturelle et environnementale du gisement d'Ounjougou (Mali). *Antropo* 18, 37—46.
- Özdoğan M. 1989. Neolithic Cultures of Northwestern Turkey. A General Appraisal of the Evidence and Some Considerations. In: Bökönyi S., Raczky P. (eds.). *Neolithic of Southeastern Europe and its Near Eastern Connections*. International conference, 1987, Szolnok-Szeged. Budapest: Institute of Archaeology of the Hungarian Academy of Sciences, 201—215.
- Pardo M. P. 2004. Possible parallels between Egyptian and Sudanese Neolithic figurines, and another contemporaneous ones coming from the Near Eastern area. *Boletín de la Asociación Española de Orientalistas* XL, 135—147.
- Pinhasi R. 2006. Neolithic skull shapes and demic diffusion: a bioarchaeological investigation into the nature of the Neolithic transition. *Documenta Praehistorica* XXXIII 61—70.
- Potekhina I. 1998. Ancient North Europeans in the Mesolithic-Neolithic Transition of Southeast Europe. In: Zvelebil M., Domańska L., Drenth R. (eds.). *Harvesting the Sea, Farming the Forest: The Emergence of Neolithic Societies in the Baltic Region*. Sheffield: Sheffield Academic Press, 65—70.
- Robb J. 2007. *The Early Mediterranean Village: Agency, Material Culture, and Social Change in Neolithic Italy*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Smith A. B. 1992. Origins and Spread of Pastoralism in Africa. *Annual Review of Anthropology* 21, 125—141.
- Telegin et al. 2002: Telegin D. Ya., Potekhina I. D., Lillie M., Kovalyukh M. M. The chronology of the Mariupol-type cemeteries of Ukraine re-visited. *Antiquity* 76, 356—363.
- Tikot R. H. 1996. Obsidian Procurement and Distribution in the Central and Western Mediterranean. *Journal of Mediterranean Archaeology* 9, 39—82.
- Tringham R. 1971. *Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe (6000—3000 B. C.)*. London.
- Ursulescu N. 2000. *Contribuții privind neoliticul și eneoliticul din regiunile est-carpătice ale României*. Vol. 1. Iași: Editura universității «Al. I. Cuza».
- Usai D., Salvatori S. 2007. The oldest representation of a Nile boat. *Antiquity* 81. Antiquity Gallery: antiquity.ac.uk/ProjGall/usai/index.html.
- Voinea V., Neagu G. 2008. Archaeological Research at Hamangia III Settlement From Cheia (2004—2008). *Pontica* 41, 9—34.
- Voinea V., Neagu G. 2006. Începutul eneoliticului în Dobrogea: între prejudecăți și certitudini. *Studii de Preistorie* 3, 149—161.
- Wechler K.-P. 2001. *Studien zum Neolithikum der osteuropäischen Steppe*. Archäologie in Eurasien 12. Mainz: von Zabern.
- Yanko-Hombach V., Tschepalyga A. 2003. Geology of a Catastrophe — The When and Where of the Black Sea Flood. In: *Shaping the Earth: A Quaternary Perspective*. XVI INQUA Congress. Abstracts with Programs. July 23—30, 2003, Reno, Nevada USA. Reno: The Desert Research Institute, 224.
- Zilhão J. 1997. Maritime pioneer colonisation in the Early Neolithic of the west Mediterranean. Testing the model against the evidence. *Poročilo o raziskovanju paleolitika, neolitika in eneolitika v Sloveniji* XXIV. Ljubljana: Filozofska fakulteta, Oddelek za arheologijo, 19—42. (Neolithic Studies 4).
- Zilhão J. 1998. On Logical and Empirical Aspects of the Mesolithic-Neolithic Transition in the Iberian Peninsula. *Current Anthropology* 39, 690—698.
- Zilhão J. 2001. Radiocarbon evidence for maritime pioneer colonization at the origins of farming in west Mediterranean Europe. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 98, 14180—14185.
- Zvelebil M., Lillie, M. 2000. Transition to agriculture in Eastern Europe. In: Price T. D. (ed.). *Europe's First Farmers*. Cambridge: Cambridge University Press, 57—92.

Статья поступила в номер 13 января 2010 г.

**Dmitry Gaskevych** (Kiev, Ukraine). Candidate of historical sciences. Archaeology Institute of Ukraine National Academy of Sciences.

**Dmitry Gaskevych** (Kiev, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

**Гаскевич Дмитрий Леонидович** (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии НАН Украины.

**E-mail:** gaskevych@ukrpost.ua

